

**БИБЛИОТЕКА
„ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУЖЕСТВО“**

**ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

Е. Рябчиков,
Засада на черной тропе.

А. Лукин,
Операция «ДАР».

Л. Самойлов, В. Гири,
Выстрел в переулке.

Ю. Тарский,
Испытание огнем.

Г. Боровик,
Пылающий остров.

И. Мызгин,
Со взведенным курком.

В. Смирнов, Ю. Попков,
Трое суток рядом со
смертью.

В. Микоша,
С киноаппаратом в бою.

**С. Голяков,
В. Понизовский,**
Рихард Зорге.

Д. Морозов,
Бой без выстрелов.

Петер Випп,
Совершенно секретно.

16 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

**ПОСЛЕДНЯЯ
РАДИОГРАММА**

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОГРАММА

Повесть

честь · отвага · мужество

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1965**

P2
J147

К ЧИТАТЕЛЮ

ЮНЫЙ МОЙ ДРУГ!

Ты очень молод. Ты родился много лет спустя после того, как прогремели последние выстрелы Великой Отечественной войны, войны, в которой решалась судьба нашей Родины. Около четырех лет советские воины на суше, в воздухе и на море не прекращали ни на один день ожесточенную борьбу с фашистами за свободу и независимость страны, за освобождение народов Европы от гитлеровского ига.

Великая Отечественная война окончилась двадцать лет тому назад. Но эхо войны слышится еще и в наши дни. Ты, наверное, читал, как недавно на Балтике подняли со дна моря затонувшую осенью 1941 года подводную лодку М-81. Такие лодки любовью из-за небольших их размеров называли «малютками». Но боялся их враг не меньше, чем самых больших кораблей. В годы войны были у нас и большие подводные лодки, которые плавали и воевали в океанах и далеких морях, не боясь ни штормов, ни ураганов.

Большие и малые подводные лодки одинаково смело наносили сокрушительные удары по кораблям противника в море, совершали дерзкие прорывы в хорошо защищаемые порты, где стояли гитлеровские корабли, и топили их там. Фашисты быстро узнали силу ударов наших подводников. Да и сегодня наши подводные лодки служат хорошим предупреждением тем, кто бы хотел развязать новую войну против нас.

Жизнь и служба моряка-подводника трудна, но почетна. Ведь подводная лодка, как правило, вступает в бой с врагом «один на один». На этом корабле, как нигде, проверяются мужество, стойкость, преданность Родине каждого члена экипажа — от рядового матроса до командира корабля. В минувших боях наши моряки-подводники ярко раскрыли лучшие свойства советского воина: отвагу, высокое чувство долга и заботу о товарище, воюющем рядом.

Наверное, ты или твои друзья мечтают о службе на фло-

те. Может быть, кто-нибудь из вас хочет стать подводником. Желаю, чтобы ваша мечта свершилась, но пользуюсь случаем напомнить, что подводник — это моряк, отличающийся высокой дисциплинированностью, сознательностью, отличным знанием боевой техники. Подводная лодка представляет собой сгусток передовой техники своего времени. Ее сложные механизмы и вооружение предъявляют к экипажу большие требования. Ведь малейшее упущение, пренебрежение к службе, невнимательность могут привести к самым тяжелым последствиям для корабля и его команды. Подводный флот требует прежде всего знаний. Каждый подводник обязан знать многое.

Служба на подводной лодке, как и на флоте вообще, требует высокой дисциплинированности. Без дисциплины невозможно привести в движение подводную лодку или надводный боевой корабль, использовать его мощное оружие. Без дисциплины невозможна победа в войне.

Я искренне верю, что твое поколение сумеет вырасти таким же отважным и верным своему долгу, как поколение твоего отца и старшего брата.

Много лет прослужил я в подводном флоте. Мне довелось плавать и на старых и на новейших подводных лодках. Я знаком со многими замечательными подводниками, подлинными героями.

Книга, которую ты сейчас начнешь читать, приоткрывает тебе малоизвестную славную страницу минувших походов наших подводных лодок. Финал этой повести мужествен, но печален. Это не должно огорчить тебя. В войне неизбежны потери. В большинстве боев наши подводные лодки выходили победителями. Тысячи подводников были награждены орденами и медалями, многим присвоено звание Героя Советского Союза.

Я встретил в этой повести моряков, дела и черты характеров которых напомнили мне моих друзей, Героев Советского Союза Магомеда Гаджиева, Николая Лунина, Ивана Кучеренко, Валентина Старикова, Григория Щедрина и многих других.

Поэтому, мой юный друг, мне хочется, чтобы ты тоже встретился и познакомился с героями этой книги.

Контр-адмирал А. Родионов

Сообщение газеты «Моргенбладет»

Трагедия на дне фьорда

Стангер-фьорд, 17 апреля 196... года.
(Соб. инф.)

Как мы уже сообщали нашим читателям, в районе Стангер-фьорда начаты работы по строительству нового торгового порта. Вчера водолазы, обследовавшие дно акватории строительства, натолкнулись в центре залива на следы некогда разыгравшейся здесь морской трагедии.

Водолазы обнаружили на дне фьорда исковерканный взрывом немецкий эсминец. Неподалеку от него лежит подводная лодка. По-видимому, она нанесла нацистскому кораблю смертельный удар и сама погибла в этом бою.

Водолазы не смогли определить национальную принадлежность подлодки.

В связи с находкой в Стангер-фьорде местные жители вспоминают о жестокой битве, случившейся здесь более двадцати лет назад, когда в залив,

служивший базой флота гитлеровцев, неожиданно прорвалась подводная лодка союзников.

Морские власти предполагают, что это, вероятно, была одна из английских субмарин, крейсировавших у южных берегов Скандинавии во время второй мировой войны. Администрация строительства решила поднять лодку на поверхность. Надеемся, что тщательный осмотр субмарины в сухом доке раскроет нам обстоятельства драмы, разыгравшейся в Стангер-фьорде свыше двадцати лет назад.

2

Воскресный выпуск «Моргенбладет-зондаг» сообщает:

Новая загадка Стангер-фьорда

Стангер-фьорд, 25 апреля (от нашего специального корреспондента).

Итак, субмарина, обнаруженная водолазом Сельмером Гансеном десять дней назад на глубине двадцати метров, поднята на поверхность. Вашему корреспонденту удалось сегодня получить разрешение участвовать в первом осмотре подводной лодки. Этот осмотр принес неожиданный результат... Впрочем, не стану забегать вперед.

Рано утром вместе с представителями морских властей и экспертами я прибыл в порт.

Длинное тело субмарины неподвижно лежало в доке. Рубка была наполовину снесена. Разорванный взрывом борт зиял ржавой раной. На по-

верхности лодки не осталось никаких опознавательных знаков, которые могли бы помочь определить национальность погибшего корабля.

Люк в полуразрушенной рубке был уже открыт. Накануне из лодки помпами откачали воду.

По трапу мы спустились в центральный пост. Яркие переносные фонари освещали нам путь. В пустом отсеке не было никаких следов людей. Проржавевшие приборы, изъеденные коррозией штурвалы и рукоятки окружали нас.

Я протянул руку и коснулся одного из приборов. Он тут же рассыпался ржавой пылью.

— Соль, — произнес стоявший рядом моряк. — Она сильней стали...

Лодка жестоко пострадала в сражении. Сквозь пробойны вода заполнила отсеки. Время и морская соль уничтожили все следы обитателей подлодки, смыли надписи на приборах.

Мы беспрепятственно проникли в соседний отсек. Здесь тоже было пусто, пахло водорослями и ржавым металлом. Мы шли по мертвому царству. Мелькнула невероятная мысль: быть может, обитатели субмарины сумели все-таки покинуть ее в последний миг?

Круглая дверь в кормовой торпедный отсек оказалась наглухо закрытой. Несмотря на все усилия двух сопровождавших нас дюжих матросов, не удалось ни на волос сдвинуть с места рукоятки крамальеров, закрывавших дверь. Отсек был наглухо закрыт изнутри. Годы намертво сковали дверь со стальной переборкой.

Пока рабочий автогенем прорезал ход в отсек, мы вышли на поверхность.

Из мрачного влажного сумрака подлодки мы поднялись на пирс. В глаза ударило яркое солнце.

Моряки негромко переговаривались. По их мнению, подводная лодка не была английской. Но тогда чья? Появление любой другой во время войны в заливе было просто невероятным.

На верхней палубе субмарины показался матрос. Махнул рукой.

— Идите скорей!

Мы вновь спустились по ржавому трапу. Из кормового отсека тянуло горьковатой окалиной металла. Вырезанная автогеном круглая дверь обнажила горловину прохода.

Луч фонаря упал за переборку. И тут же слышался взволнованный возглас идущего впереди офицера:

— О-о! Смотрите!

Все сгрудились у входа в отсек.

Эта часть узкого пространства у торпедных аппаратов была герметически закрыта и не пострадала от воды. Свет фонарей вырвал из темноты рельсы для подвоза торпед, баллоны с сжатым воздухом, штурвалы и клапаны.

Все замолчали. Стоявшие у входа офицеры сняли фуражки.

Я с трудом протиснулся вперед. Луч фонаря, скользнув по дну отсека, осветил прикрытые истлевшей одеждой останки моряков...

Они сидели и лежали в тех позах, в каких за- стала их смерть два де- сятка лет назад. Рядом валялись кислородные маски, побуревшие бинты.

Старший офицер пере- ступил комингс и вошел в отсек. Мы последовали за ним.

Я не стану описывать ужасные подробности от- крывшейся нам картины.

Рядом с одним из по- гибших лежала толстая тетрадь в кожаном пере- плете. Я поднял ее. Не- которые страницы тетра- ди сохранились. Записи

были сделаны крупным четким почерком на незнакомом мне, по-видимому славянском, языке.

Офицер осветил фонарем надписи на табличках приборов.

— Это русские! — проговорил моряк.

...Сейчас, когда я диктую по телефону эти строки, весь город уже облетела сенсация. Находка затонувшей советской подлодки кажется совершенно загадочной. Эксперты только разводят руками. Они уверены, что в годы второй мировой войны ни одна советская подлодка не могла проникнуть в этот район Атлантики. Русский подводный флот действовал главным образом вблизи собственных баз на Балтике и в Черном море. Правда, советские подводные лодки очень активно действовали на севере. Но и здесь, насколько известно, они не выходили за пределы Баренцева моря. Появление советской субмарины на юге Скандинавии казалось невозможным. Ближайшая база русских подлодок была за полторы тысячи миль отсюда, где-то возле Мурманска.

И тем не менее обнаруженный в заливе корабль, несомненно, советский.

Найдено несколько полуобгоревших страниц судового журнала подводной лодки номер «С-716». Это соответствует обозначениям, принятым в русском флоте во время минувшей войны.

Передо мной лежит тетрадь в кожаном переплете. Это, пожалуй, самая важная находка. В герметически закрытом отсеке тетрадь пощадило время. На обратной стороне обложки сохранилась часть надписи, которую мне перевел моряк, знающий русский язык:

«Сергей Самарин. Борт «С-716». В случае моей гибели отослать по адресу: Влад...».

Очевидно, это дневник. Необычайное волнение охватывает меня, когда я перелистываю его выцветшие страницы...

Как попала сюда таинственная субмарина? Сумеет ли мы приоткрыть завесу над этой трагедией минувшей войны?

3

**Из заметки, распространенной
Агентством печати «Новости»**

27 апреля 196... г.

...Наших читателей, безусловно, взволнует трагическая находка в Стангер-фьорде. Вероятно, обращение к архивам военных лет и документам, найденным на борту корабля, позволит нам восстановить ход событий, приведших к появлению и гибели «семьсот шестнадцатой» у южных берегов Скандинавии.

4

**Из рапорта командира отряда подводных
лодок капитана первого ранга Томашевского**

Март 1943 г. База Полярное.

...В ночь на 13 февраля отряд в составе подводных лодок «С-711», «С-712», «С-713», «С-714», «С-715» и «С-716» находился вблизи побережья континентальной Европы. «С-716» шла головной,

в четырех-пяти милях впереди основной группы. В 5 часов 00 минут по Гринвичу был очередной сеанс радиосвязи. Все лодки отряда находились в надводном положении. Командир «С-716» капитан-лейтенант Газиев в 5 часов 11 минут первым закончил передачу. На лодке все было в порядке. Горизонт в пределах ночной видимости чист. Лодка должна была продолжать движение на норд-норд-ост.

В 5 часов 58 минут флагманский радист, державший связь с «С-714», внезапно принял вызов «С-716» и обрывок радиограммы: «Замечен... Ухожу на...»

Затем связь оборвалась. Я приказал прекратить радиообмен и слушать на волне «С-716». Передача не возобновилась. На неоднократные вызовы подлодка капитан-лейтенанта Газиева не отвечала.

Я приказал отряду прекратить движение на норд, а сам, пользуясь густым утренним туманом, подошел на флагманской подлодке к месту нахождения «С-716». В 9 часов 15 минут мы достигли района, откуда была передана последняя радиограмма.

В течение двух часов мы обследовали район. Однако обнаружить «С-716» и установить с ней связь не удалось.

В 11 часов 10 минут ввиду наступления полной видимости и близости немецко-фашистской военно-морской базы был вынужден прекратить обследование района и перейти в подводное положение.

Отряду было приказано следовать прежним курсом. В районе исчезновения «С-716» осталась

подводная лодка «С-714» под командованием капитана третьего ранга Зиновьева.

В 12 часов 20 минут гидроакустик флагманской подлодки Шмугляков доложил, что на зюйд-осте прослушиваются отдаленные взрывы.

Мы легли на зюйд-ост, однако взрывы не повторялись. Возможно, это был слуховой обман.

Периодически всплывая под перископ и вызывая по радио «С-716», подводная лодка капитана третьего ранга Зиновьева пробыла в указанном районе до рассвета 15 февраля. В 8 часов 00 минут 15 февраля ввиду невозможности установить связь с «С-716» командир «С-714» был вынужден отдать приказ о следовании на норд-норд-ост для соединения с остальным отрядом.

Имеющиеся сведения не дают возможности установить причину исчезновения «С-716». Зная капитан-лейтенанта Газиева как человека отважного и безгранично преданного Родине, не могу допустить мысли о невыполнении им до конца воинского долга. Боевое и морально-политическое состояние экипажа «С-716» во время похода было высоким.

Однако должен доложить, что во время последней стоянки краснофлотец рулевой Шухов подал мне рапорт с просьбой о переводе на другую лодку ввиду ненормальных отношений, сложившихся между ним и капитан-лейтенантом Газиевым. (Напоминаю: бывший капитан третьего ранга Шухов Константин Петрович был разжалован трибуналом в рядовые в сентябре 1942 года и направлен на «С-716» согласно настойчивой просьбе командира Газиева.)

В личной беседе со мной капитан-лейтенант Газиев доложил, что он отказался удовлетворить просьбу Шухова. Он был поддержан в этом и замполитом лодки старшим политруком Самариным. Не считая возможным действовать вопреки мнению командования лодки, я оставил рапорт краснофлотца Шухова без последствий...

5

Выписка из личного дела капитан-лейтенанта Газиева

Фамилия, имя, отчество: Газиев Фахри Мустафаевич.

Год рождения: 1917.

Место рождения: аул Гандых Дагестанской АССР.

Национальность: аварец.

Образование: общее — высшее. Специальное — Высшее военно-морское училище им. Фрунзе в Ленинграде. Окончил в 1939 г.

Присвоенное при выпуске звание — лейтенант.

Семейное положение: женат. Жена — Свиридова Ольга Николаевна, 1920 года рождения. Студентка.

Прохождение службы: Балтийский флот, подводная лодка «М-563». Должность — штурман.

1941 год, январь. Присвоено воинское звание «старший лейтенант». Назначен помощником командира «М-563».

1941 год, май. Переведен для продолжения службы на Тихоокеанский флот.

Тихоокеанский флот. Подводная лодка «Щ-612». Должность — помощник командира.

Май 1942 года. Откомандирован для приемки строящейся подводной лодки типа «С».

Июнь 1942 года. Присвоено воинское звание «капитан-лейтенант».

Июль 1942 года. Назначен командиром подводной лодки «С-716».

13 февраля 1943 года пропал без вести во время перехода отряда подводных лодок Тихоокеанского флота из Владивостока в Полярный.

6

Из письма старшего лейтенанта
Газиева Ольге Свиридовой

Июнь 1941 года.

...Хвала аллаху и пророку его начальнику кадров ВМФ! Какая же здесь красота, Олежка! Мне было пятнадцать лет, когда я впервые увидел Каспийское море и думал, что не может быть ничего прекрасней в мире. Потом я приехал на Балтику. И считал, что наконец вполне познал море. Но теперь я убедился еще раз, что нет предела прекрасному...

Как бы я хотел, чтобы ты была сейчас здесь, со мной! Ты увидела бы горы... Ну, не такие, что вокруг моего родного аула, но все-таки горы. Ты увидела бы город, сбегаящий с них, как весенний

водопад. И океан. Великий океан. Я не хочу называть его Тихим...

Я уже был здесь в политехническом. Разговаривал с деканом факультета электротехники и связи. Они с удовольствием возьмут тебя осенью на третий курс... Скорей сдавай сессию и, не теряя ни одного часа, сразу сюда на «наш далекий, близкий Восток»... Помнишь, как поют в «Девушке с характером»? Не забывай, что сюда еще двенадцать дней пути... Очень долгих дней...

Торопись, Олежка, у тебя появилась новая соперница. Ее зовут «Шукой», но поверь — она прекрасна, как форель весной в горном озере... (Чувствуешь? Во мне заговорил голос родных гор. Я становлюсь ашугом!) Еще раз хвала аллаху и военно-морским пророкам его! Командир нашей «Щ-612» — капитан третьего ранга Константин Петрович Шухов — знаменит на весь флот. О нем здесь ходят легенды... Хотел бы я, чтобы когда-нибудь обо мне рассказывали хоть сотую часть того, что говорят о нем... Ну ничего, проживем — увидим. У нас еще с тобой в запасе вечность. Верно?

Завтра мы выходим в море. Учебный поход. «В тумане моря скрылась наша субмарина...»

Олежка! Мне так не хватает тебя, чтобы быть вполне счастливым! Когда уходят в поход корабли, на базе остаются жены и любимые... У меня сжимается сердце, мне кажется, я вижу тебя среди них. Ты тоже стоишь и ждешь, пока исчезнет корпус нашей «Шуки». Ну, ничего... В следующий поход ты обязательно встретишь меня на пирсе...

1941

Двадцать четвертый год Великой Октябрьской
социалистической революции

ИЮНЬ

22

Воскресенье

Восход солнца 3 ч. 45 м. Заход 21 ч. 18 м.
Долгота дня 17 ч. 38 м.

**Рапорт старшего лейтенанта Газиева
командиру подводной лодки «Щ-612»**

...В эти грозные дни подлого нападения на нашу страну я не могу оставаться в стороне от битвы, которая идет на западе. Прошу перевести меня на Балтику для использования на боевых кораблях Балтфлота...

Резолюция: Перевод считаю нецелесообразным. Капитан третьего ранга К. Шухов.

**Командиру дивизиона подводных лодок
старшего лейтенанта Газиева Ф. М.**

РАПОРТ

...В связи с категорическим отказом капитана третьего ранга Шухова обращаюсь к Вам с просьбой перевести меня в действующий Балтийский флот. Напоминаю, в Ленинграде осталась моя семья...

Резолюция: Перевод старшего лейтенанта Газиева нецелесообразен.

Капитан второго ранга (Подпись).

**Из письма Ольги Свиридовой
старшему лейтенанту Газиеву**

Ленинград. Декабрь 1941 года.

...Вчера шла домой мимо Казанского собора, не утерпела — подошла к «нашему» месту. И вдруг так ясно, так отчетливо увидела тебя, выходящего из-за колонны, в тот такой далекий теперь день.

— Вы ждете Олега? — спросил ты.

— Да...

Я растерялась при виде незнакомого курсанта с пижонскими усиками. Впрочем, я сразу заметила, что усы идут тебе.

— Я его друг, — сказал ты. — Олег очень из-

виняется — он немного задерживается и просил меня занять вас до его прихода.

И ты так стремительно увлек меня вниз по Невскому, что я не успела опомниться. Где же было догадаться, что ты никогда не видел в глаза Олега, даже не знал, как меня зовут, и встретил впервые час назад, случайно, возле телефона-автомата, когда я назначала свидание Олегу у Казанского собора!

Бедный Олег! Как он, наверное, недоумевал, не найдя меня в условленном месте!

Потом ты объяснил мне, что в тебе заговорил голос предков, веками умыкавших своих невест...

Помнишь, как в ту ночь мы совсем забыли о мостах и никак не могли попасть с Петроградской стороны обратно в город? Мы шли, шли вдоль Невы, и каждый мост начинали разводить, едва мы подходили к нему.

Я всю дорогу мучительно думала, что скажу дома, появившись только утром, а ты рыцарски сопровождал меня, и я не знала, что ты не менее напряженно сочиняешь версию, объясняющую дежурному по училищу самовольную отлучку. Ведь тебе еще надо было вернуться на Васильевский остров...

...Пишу, не зная, доходят ли мои письма. Я так давно уже ничего не получаю от тебя и все-таки пишу, пишу каждый свободный час, просто потому, что мне сейчас, как никогда, необходимо говорить с тобой. Вот уже второй месяц я радист в штабе ПВО. Видишь, пригодился мой радиотех-

нический факультет. Здесь же и живу на казарменном положении. Домой хожу только в надежде найти вдруг в ящике твое письмо.

Ты бы сейчас, наверное, не узнал нашего города. Можно привыкнуть ко всему: к тусклым копилкам в домах и багровому зареву ночных пожаров на улицах; к забитым досками витринам магазинов и распахнутым настежь окнам квартир, обитатели которых ушли еще летом и так и не вернулись обратно; к сугробам на улицах; к неподвижным, застывшим на рельсах трамваям...

Но есть то, к чему нельзя привыкнуть, если даже увидеть сто тысяч раз.

Вереницы людей с ведрами, медленно поднимающихся по обледеневшим ступенькам набережных. Детей, запряженных в салазки, и страшный груз на них. Картины куда кошмарней тех, что придумала когда-то фантазия Питера Брейгеля-старшего...

А над всем царит стук метронома. В детстве, когда меня учили музыке, я ненавидела эту монотонную отсчитывающую счет пирамидку. Как будто чувствовала, что через несколько лет этот безобидный прибор будет ежечасно напоминать своим стуком о грозящей опасности...

И все-таки он прекрасен, наш город, даже в эту страшную зиму. Помнишь?

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз...

Боже, как мне не хватает тебя!..

**Рапорт старшего лейтенанта Газиева
командиру бригады подводных лодок**

...Вновь вынужден настоятельно требовать моего перевода в любой действующий флот. Согласен на использование в любой должности...

Резолюция: Напомните старшему лейтенанту Газиеву: на флоте у командования не требуют, а просят. В просьбе о переводе отказать.

Контр-адмирал (Подпись.)

**Из служебной характеристики
капитан-лейтенанта Газиева Ф. М.**

...Капитан-лейтенант Газиев Ф. М. за время службы на подводной лодке «Щ-612» зарекомендовал себя знающим, требовательным и исключительно волевым командиром. Успешно сдал зачеты на самостоятельное управление кораблем в надводном и подводном положении. Хорошая военноморская подготовка, ярко проявляющаяся личная инициатива, способность быстро ориентироваться в сложной обстановке позволяли ему принимать быстрые и правильные решения при выполнении лодкой заданий командования.

Товарищ Газиев во время пребывания командира «Щ-612» в отпуске исполнял обязанности командира корабля. В этот период экипаж подлодки дважды устаивался благодарностей командования за успехи в боевой подготовке.

Собственные действия капитан-лейтенанта Газиева неоднократно отмечались благодарностями командования дивизиона, бригады и флота.

Капитан-лейтенант Газиев беспрдельно храбр. Политически грамотен. Родине и Коммунистической партии предан.

К числу недостатков тов. Газиева следует отнести излишнюю вспыльчивость, некоторую резкость в обращении с товарищами. Однако это не мешает ему пользоваться заслуженным авторитетом у командиров и краснофлотцев экипажа подлодки.

Считаю, что капитан-лейтенант Газиев Ф. М. вполне готов к самостоятельному командованию подлодкой и выполнению ответственных заданий командования.

Командир ПЛ «Щ-612» капитан третьего ранга К. Шухов.

13

Из приказа по флоту

Июль 1942 года.

§ 1. В соответствии с директивой Главного штаба ВМФ сформировать третий дивизион в составе бригады подводных лодок, в который включить вступающие в строй подлодки типа «С».

§ 2. Присвоить подводным лодкам упомянутого выше третьего дивизиона номера «С-711», «С-712», «С-713», «С-714», «С-715», «С-716» и поднять на них Военно-Морские флаги Союза Советских Социалистических Республик.

§ 8. Назначить командиром подводной лодки «С-716» капитан-лейтенанта ГАЗИЕВА Фахри Мустафаевича.

14

Из дневника корреспондента флотской газеты
старшего политрука Сергея Самарина

30 июля 42 года. Вчера Газиев поднимал флаг на новой лодке. Редактор послал меня сделать репортаж, хотя вряд ли удастся его дать в газете при цензуре военного времени.

«С-716» недавно сошла со стапелей и только что закончила ходовые испытания. Строили «эски», как никогда, быстро, в невиданно сжатые сроки. Война не ждет.

Я всегда люблю Газиевым. Порывистый, стонкой черточкой усов на смуглом лице, он даже на мостике подводной лодки похож на горца, объезжающего лихого кабардинца. И в то же время он моряк, моряк по призванию, по духу, самая что ни есть флотская косточка.

Я видел, какими глазами смотрит он на свою новую лодку. Не каждый мужчина так глядит даже на любимую женщину. Впрочем, «С-семьсотшестнадцатой» грех не залюбоваться.

Непривычно длинный корпус гладко «зализан». Мягкие обводы боевой рубки. Широкая верхняя палуба покрыта тиком. Впервые вижу такое покрытие. Обычно верхняя палуба подлодки — голый металл. Тик очень красив, а главное, он тяжелее воды. Если покрытие разобьет бомбежка, то кус-

ки дерева пойдут ко дну и не выдадут врагу местонахождения лодки. Газиев рассказал мне, какой бой пришлось выдержать с флотскими химиками за это украшение.

Химики требовали снять дерево во что бы то ни стало. Дескать, в случае химической атаки дерево трудней дегазировать, чем металл. Командиры подлодок убеждали, что будут воевать под водой, а там не то что химия, а сам черт не страшен. Но химики упорно стояли на своем. Остальные командиры плюнули, отступили, заменили тик сталью, а Газиев уперся, вызвал начальство и... отстоял палубу!

«Какой же джигит снимет наборную уздечку с любимого коня!» — смеется он.

Газиев любит щегольнуть своим горским происхождением. Но разговаривая с ним, с трудом веришь, что этот высокообразованный моряк всего десять лет назад почти не говорил по-русски...

Накануне я прошел на «С-716» из залива, где проходили испытания, до базы бригады подводных лодок.

Оказывается, я еще не забыл своей службы на Черном море и в пути даже пытался выполнять обязанности штурмана. Правда, «С-716» не сравнить со старушками, на которых я служил когда-то. Скорость, мощность двигателей, вооружение — все иное.

Газиев продемонстрировал мне, как лодка «висит на перископе». Точность дифферентовки поразительна. Вся громада корабля весом более тысячи тонн уравнивается под водой лишь положением перископа.

Газиев опускал перископ, и лодка тут же послушно начинала погружаться. Стоило поднять перископ — и субмарина так же послушно всплывала!

Она слушалась командира в самом деле, как надежный, добрый конь.

В надводном положении прошли мимо пирсов судостроительного завода, где почти сорок лет назад, во время русско-японской войны, еще в давние времена, собирали первые на Дальнем Востоке подлодки. Их перевезли из Петербурга по железной дороге на платформах. Одна из них — «Сом» — совершила первую в истории русского флота боевую атаку на корабль врага...

Утро сегодня выдалось как по заказу: солнечное, безоблачное. На торжество приехали рабочие, шефы.

На палубе «С-716» выстроилась команда. Командир бригады зачитал приказ.

На сигнальной вышке штаба поднят бело-красный «исполнительный». На всех кораблях, стоящих на рейде, поднялись ответные вымпелы.

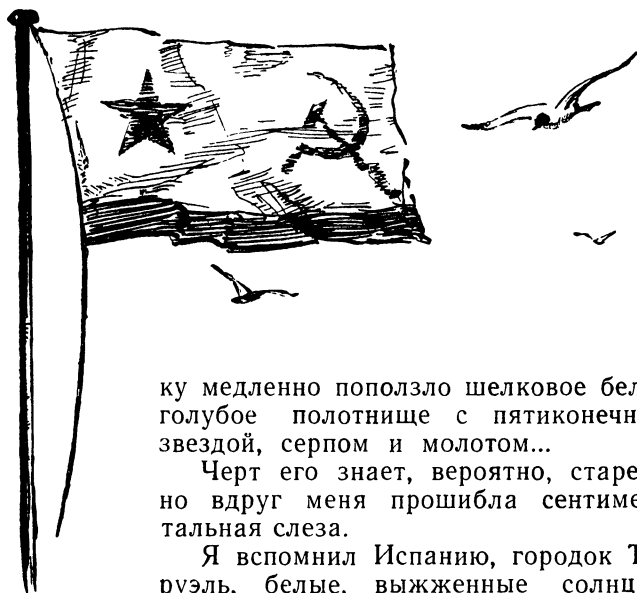
— На флаг и гюйс смирно!

«Исполнительный» пополз вниз. Ровно десять часов. Над бухтой несется медноголосый хор корабельных рынд. Бьют склянки.

— Флаг, гюйс и стеньговый флаг поднять! — командует вахтенный.

Побледневший от волнения Газиев у кормового флагштока. О, как хорошо понимаю я, что творится сейчас в душе человека, впервые поднимающего флаг «своего» корабля!

Оркестр грянул «Интернационал». По флагшто-

ку медленно поползло шелковое белоголубое полотнище с пятиконечной звездой, серпом и молотом...

Черт его знает, вероятно, старею, но вдруг меня прошибла сентиментальная слеза.

Я вспомнил Испанию, городок Теруэль, белые, выжженные солнцем холмы и ребят батальона Тельмана, с пением «Интернационала» идущих в последнюю контратаку на марокканцев.

...Еще шел торжественный митинг, когда к пирсу подбежал посыльный и вызвал командира и комиссара бригады. Они тут же встревоженные ушли. Что-то случилось...

1 августа. К сожалению, я оказался прав. Вчера произошла трагическая, до нелепости невероятная история. Во время учебного погружения давлением воды неожиданно выбило кингстон на

«Шуке» Шухова. Вода хлынула в лодку. Струсивший матрос-первогодок, находившийся в аварийном отсеке, спасая себя, отдраил переборочную дверь. Вода устремилась в соседний отсек. Лодка легла на дно на большой глубине. Вода затопила три отсека. Всплытие стало невозможным. Команде пришлось спасаться через торпедные аппараты.

Говорят, Шухов отказался покинуть лодку, но ему стало плохо, и товарищи, надев на него кислородную маску, вытащили чуть ли не силой командира на поверхность. Какое страшное несчастье!

Ничего бы не случилось, не окажись в команде одного труса. Спасая себя, он едва не погубил всех. Что будет теперь с Костей Шуховым? Говорят, после госпиталя его ждет трибунал...

15

Из приговора военного трибунала

...Рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению бывшего командира подводной лодки «Щ-612» Шухова Константина Петровича, признал его виновным... ...и приговорил к десяти годам лишения свободы.

16

Из дневника Сергея Самарина

30 августа. ...Сегодня был на базе подводников. Все говорят, конечно, о деле Шухова. Наконец его друзья вздохнули спокойней. Все-таки не пропали наши хлопоты даром.

Что пережил Костя и его семья, страшно подумать. Трудно представить его состояние после аварии, гнетущие мысли о погибшем корабле и товарищах. Рассказывают, что Шухов во время катастрофы сделал все, что мог, чтобы спасти лодку и людей. Теперь будем надеяться, что заключение ему заменят фронтом и Шухов сумеет доказать свою преданность Родине.

За обедом мы с Газиевым выпили по баночке за Костю. Я знаю Шухова давно. Мне пришлось писать о проводке первых военных кораблей по

Беломорканалу в тридцать третьем. Там мы и познакомились с ним.

Газиев осунулся за это время, но надежды не терял и поддерживал, как мог, семью своего бывшего командира.

За обедом разговор шел о ледоколе, прибывшем недавно в бухту Провидения из американского порта Сиэтл. Его плавание поистине удивительнейшая одиссея XX века.

Ледокол был построен летом прошлого года в Николаеве. В начале войны на него поставили орудия, пулеметы и превратили во вспомогательный крейсер.

Однако скоро ледокол отзывали в Потти, разоружили и приказали готовиться к заграничному плаванию.

Корабль пересек Черное море и через Босфор пришел в Константинополь. Здесь наш военноморской атташе передал капитану приказ: прорваться мимо фашистских баз в один из средиземноморских портов союзников. При этом в бой не вступать, корабль врагу не сдавать, экипажу в плен не попадаться.

Ничего себе задача! Если учесть, что консульства Германии и Италии в Константинополе тут же сообщили куда следует о появлении безоружного советского корабля.

Шли по ночам, без ходовых огней. Днем отстали, прижавшись к какому-нибудь берегу. Следили, чтобы не было дыма из трубы. Радиопередатчик не включали, дабы не привлечь врага.

Ледокол бомбили с воздуха, обстреливали, атаковали торпедные катера.

И все-таки корабль прорвался к англичанам на Кипр. Оттуда в Бейрут. Потом в Хайфу. Там полмесяца ремонтировались, лечили пробоины и снова в путь. Через Суэцкий канал и Баб-эль-Мандебский пролив на юг, в Кейптаун.

Потом через Атлантику в Нью-Йорк. Оттуда снова на юг. Вокруг мыса Горн обогнули Америку. В четвертый раз пересекли экватор и пришли в Сиэтл. А затем на Родину, в бухту Провидения.

Теперь готовятся идти в Архангельск Северным морским путем. Да, не каждому моряку удастся совершить такое путешествие.

Ох, как горели глаза у Газиева, когда он слушал этот рассказ! Ему бы так вокруг шарика!

К концу обеда передали новую сводку Совинформбюро (в Москве только начиналось утро). И сразу сжалось сердце. В сводке назывались Абганерово, Гавриловка, Орловка.

Это уже Сталинград. В тридцатом я был там на строительстве тракторного.

Там воюют. Падают бомбы. Гибнут люди, идут ко дну корабли. Решается судьба войны, а у нас лишь затемнения да сводка Совинформбюро напоминают об идущей на западе битве.

Годами мы, дальневосточники, привыкли считать себя на переднем крае. Сюда отбирали самых лучших. Готовились первыми принять удар врага. И вот уже второй год мы в глубоком тылу.

Разум понимает, что мы и теперь обязаны стоять здесь на страх «неумному соседу», но сердце отказывается согласиться с этим.

Правда, сосед не дает нам ни на секунду забыть о нем. Пограничные конфликты, обстрелы «по ошибке» наших торговых транспортов. Мой старый друг капитан Киреев с экипажем своего парохода незаконно арестован в Гонконге. Но в общем положение — ни мира, ни войны. По обе стороны границы пушки заряжены и наведены. Дальневосточный военный округ преобразован во фронт. Флот держится в постоянной повышенной боевой готовности. Но если по ту сторону только и ищут повода открыть огонь, то мы вынуждены делать все, чтобы такого повода не дать. Чтобы выдерживать все это, надо иметь железные нервы.

Вечером я подал еще один рапорт с просьбой отправить меня на фронт. Я ведь не только журналист. Я бывший штурман-подводник, воевал в Испании и в финскую, почему же теперь я пишу реплики о боевых учениях?

Моя семья летом прошлого года отдыхала у родных в Одессе. Там их застала война. Я до сих пор ничего не знаю о судьбе жены и детей.

Да, но как добиться, чтобы тебя все-таки направили на фронт?..

17

Из докладной записки капитан-лейтенанта
Газиева, пересланной командующим флотом
Народному комиссару Военно-Морского
Флота СССР

...Сейчас, когда в тяжелых боях решается вопрос о свободе и независимости нашей Родины,

как никогда, необходима мобилизация всех средств на решающих участках боевых действий.

Основную тяжесть подводной борьбы несет в настоящее время Северный флот. Там высокие потери в боевых кораблях. Задачу существенного пополнения подводного флота на севере можно успешно решить, перебросив с Дальнего Востока в Баренцево море отряд наиболее быстроходных и мощных недавно вступивших в строй подводных лодок типа «С».

Предлагаемый мной план предусматривает переход отряда с Дальнего Востока на базу в Полярном морским путем через Тихий и Атлантический океаны. Недавнее плавание ледокола, пришедшего из Черного моря в дальневосточный порт, доказывает, что подобный переход вполне возможен при условии захода в порты союзников или снабжения с танкеров, заранее расставленных в океане на пути следования отряда. Поход, который могло совершить надводное безоружное судно, тем более смогут проделать боевые подводные корабли, плавание которых может проходить в обстановке полной скрытности.

Общая протяженность предлагаемого маршрута около восемнадцати тысяч миль. Расчеты показывают, что отряд подводных лодок может преодолеть это расстояние за три-четыре месяца.

Примерный маршрут следования таков: Владивосток — Датч-Харбор (Алеутские острова) — Сан-Франциско — Коко-Соло (Панама) — Гуантанамо (Куба) — Галифакс (Канада) — Розайт (Шотландия) — Полярный...

**Телеграмма Ольги Свиридовой
капитан-лейтенанту Газиеву**

Эвакуирована Ленинграда. Днями выезжаю к тебе. Считаю секунды до встречи. Целую очень. Олечка.

**Письмо, оставленное капитан-лейтенантом
Газиевым в своей квартире**

Единственная моя!

Завтра мы уходим. Через час я должен прибыть в порт. Когда ты прочтешь это письмо, я буду уже далеко.

Весь этот страшный год я ждал тебя. Я не хотел верить в реальность. Я надеялся на чудо. Я всегда оставлял ключ, уходя в море. И, возвращаясь домой, молился всем магометанским и христианским богам. Но они даже всем скопом не в силах были сотворить чудо. Ты совершила его сама...

Мне страшно представить себе, как ты одна в пустой квартире читаешь это письмо. Слова сейчас бессильны. Но ты знаешь, что я не мог поступить иначе. Ты все поймешь, как всегда понимала меня.

Впереди еще долгий путь к войне, но я дойду, дойду во что бы то ни стало и рассчитаюсь за все — за нашу боль, за Ленинград, за слезы, горе и кровь...

А ты жди, Олежка, жди! У нас с тобой впереди в запасе вечность. И не одна. Моя вечность, твоя и все вечности наших детей.

На рассвете мы уходим. Только тебе, которой нет здесь, я могу сказать об этом. Жены других не знают. Они не будут провожать нас в этот поход...

До свидания, Олежка! До свидания, любовь, боль, счастье мое...

20

Из дневника Сергея Самарина

16 октября. ...Ночь. Ясная, прохладная ночь осени. Рейд и сопки в белесом свете луны. Затемненный город затих, притаился, прижавшись к сопкам. На улицах ни огонька. Ветер доносит шум автомашин, идущих с потушенными фарами.

Я стою на мостике «С-716». Сейчас моя вахта. Как круто изменилась моя судьба! Не пропали даром рапорты с просьбой направить на фронт. Вот уже три недели, как я — замполит командира «С-716». Вспомнили в Москве мое подводное прошлое...

Через несколько часов мы выходим. Внизу под стальной обшивкой прочного корпуса спит команда. Сорок семь человек... Они не знают, куда лежит наш маршрут. Даже командиры. Они только догадываются, что идем далеко, очень далеко. После погрузки снаряжением забиты все отсеки. Командующий разрешил объявить цель похода лишь по выходе с Алеутских островов. Пока знают все толь-

ко двое — Газиев и я. Но команда спит спокойно. Они верят нам. А мы теперь отвечаем за судьбу этих сорока семи человек.

Мы идем в неизвестное, но все понимают, что не на прогулку. И ни одной попытки уклониться от похода. Наоборот, те, кто перед выходом был болен, находился в госпитале, показали прямо чудеса выздоровления. Докторам оставалось только развести руками и... выписать пациентов. Молодому сигнальщику Феде Бакланову неделю назад вырезали аппендицит, а сегодня он уже на подлодке.

На все вопросы любопытных наши краснофлотцы многозначительно отвечают: «Океан-то Великий...»

Какая тихая ясная ночь!

Легкий шорох шагов по трапу. В круглом люке голова в пилотке. Глуховатый голос спрашивает:

— Товарищ старший политрук, разрешите подняться на палубу?

— Подымайтесь.

Сухощавый высокий матрос поднялся на палубу. Знакомый голос спросил:

— Разрешите курить, товарищ старший политрук?

— Курите.

Вспыхнул в ладонях огонек, на долю секунды осветил сухое, прорезанное рубцами морщин лицо, светлую щеточку усов. Это Шухов. Да, Константин Шухов идет рулевым на нашей «С-716».

Ему заменили тюрьму фронтом. За него поручились друзья. Настойчиво хлопотал Газиев. Он лично ходил на прием к командующему флотом и добился зачисления Шухова на свою подлодку.

Бывший капитан третьего ранга Константин Шухов теперь рядовой краснофлотец.

Не могу сказать, чтобы нам было легко и просто каждый день встречаться с ним. Шухов замкнут. Он воздвиг вокруг себя строгую стену официальности. Краснофлотцы и старшины стараются не тревожить его разговорами, а со всеми командирами он подчеркнуто, по-уставному вежлив и точен в ответах.

Сейчас он молча курит в двух шагах от меня и смотрит в ночную темь, но не на лежащий за кормой город, а вперед, в море.

Светает. Я взглянул на часы. Через пять минут пора давать на лодке звонки подъема. Из люка легко, одним движением поднялся Газиев.

— Спишь, комиссар? Почему не даете подъем?

Комиссаров уже несколько дней как нет, я — замполит, но Газиев упорно не хочет расставаться со словом, рожденным четверть века назад, в боях гражданской войны.

— Время не вышло, товарищ командир! — ответил вахтенный начальник, штурман Вихров.

Я показал Газиеву светящийся циферблат часов. Командир тихо рассмеялся.

— Не терпится мне. Все боюсь, вдруг какой-нибудь большой начальник отменит поход.

Шухов загасил папиросу и бесшумно скрылся в люке. Газиев проводил его взглядом, вопросительно посмотрел на меня.

— Выходил покурить.

— Значит, тоже не спал. — Газиев вздохнул. — Хотелось бы поговорить с ним по душам... Так не подпускает. Каменный, черт! — Командир

снова взглянул на часы. — Ну, давай, вахтенный, подымай народ!

Через час к борту подошел катер. Командование бригады обходило подлодки, уходящие в поход.

В нашей крохотной кают-компании собрались командиры.

Старший помощник Нефедов, щеголеватый москвич штурман Саша Вихров, совсем юный, пришедший на лодку сразу после училища командир минеров Сердюк, немногословный, угрюмый инженер-механик Тимофей Иванович Богунов. Все такие разные, непохожие один на другого люди. Даже поднятый Газиевым тост каждый пьет по-своему. Вихров лихо опрокидывает свой стакан, старпом конфузливо крикает после стопки, Богунов равнодушно пьет пайковое вино, как воду, а лейтенант Сердюк, закашлявшись, тщетно пытается скрыть выступившие на глазах слезы...

Мы стоя выпили за Родину, за победу.

Газиев на секунду скрылся в своей каюте. Вернувшись, он поставил на стол большую темную бутылку.

— Последняя. Из довоенного отпуска привез. Берег для встречи жены.

Газиев разлил по стаканам густое темно-рубиновое вино.

— У нас в горах его называют «кровь земли»...

Поднял стакан.

— Теперь...

— Погодите, — остановил его комбриг. — Позвольте сегодня без тамады. — Он обвел нас взглядом. — Счастливого плавания, друзья!

— Удачи остающимся! — добавил я.

Комбриг кивнул.

Вино было терпким на вкус, чуть отдающим горечью осенних виноградников. Таким вином нас угощали крестьяне в Пиренеях.

Мы поставили на стол пустые стаканы.

— Присядем перед дорогой, — сказал полковой комиссар.

Мы сели вокруг стола. Минуту молчали. В глазах Газиева возбуждение сменилось тоской. Наверное, вспомнил жену.

Наконец комбриг поднялся. Встали и мы. Командир бригады обнял Газиева.

— Ну! Ждем вестей! Знаю, не подведете!

— Постараюсь. — Газиев поднял глаза, тихо произнес: — Товарищ адмирал, просьбу не забудьте.

— Не беспокойся, встретим, устроим, все будет как следует. Не бойся.

Газиев вскинул голову.

— Одного боюсь — вернуться без победы! А остальное все не страшно.

Комбриг шагнул ко мне.

— Ну, писатель...

Мы тоже обнялись.

— Завидую я вам, черти! — негромко сказал мне на ухо полковой комиссар.

Катер ушел.

На мачте флагмана взвился сигнал «С якоря сниматься».

Загребели цепи выбираемых якорей. За бухтой, в море, вставало солнце. Расходилась туман, обнажая сопки. Осень — лучшее время в наших

краях. Чистое, червонное золото окаймляет белый камень зданий. Таким и запомнится всем нам наш город...

В кильватерном строю отряд выходил из залива. Наша лодка поравнялась с последним маяком.

— На фалах! — командует Вихров. — Позывные поднять!

Моряки, как правило, не знают тех, кто зажигает маяк или подымает сигналы на наблюдательном посту. А между тем эти люди первыми встречают корабль, возвращающийся из плавания, и последними провожают уходящих в море. Вот и сейчас красный с белым кружком «ответный» вымпел, вздрогнув, поднялся под клотик мачты на острове у выхода из залива. А следом за ним взвился сигнал «Желаю счастливого плавания».

Спасибо, незнакомый друг!..

26 октября.

А волны и стонут, и плачут,
И бьются о борт корабля...
Растаял в тумане Рыбачий,
Родимая наша земля...

Это песня североморцев. Радио донесло ее до наших краснофлотцев. Песню часто пел под гитару сигнальщик Федя Бакланов. И она полюбились ребятам. Сейчас чей-то печальный голос напевает ее в соседнем отсеке. Мне кажется, что, несмотря на грохот двигателей в кормовых и носовых отсеках, в лодке гнетуще тихо. Люди примолкли. Ни

смеха, ни шуток, ни обычных розыгрышей. Ребят можно понять — первая потеря в начале похода, за тысячи миль от фронта.

А все началось вчера, казалось бы, со случая трагикомического.

Мы шли на небольшой глубине, когда вдруг раздался голос акустика:

— Скрежет по левому борту!

Все замерли. И тут же услышали зловещий звук. Он возник за бортом и слышался позади, над нашей боевой рубкой. Казалось, какое-то гигантское, покрытое чешуей чудовище со скрежетом трется о борт корабля.

— Скрежет по правому борту!

У меня по спине побежали мурашки. Забило сердце. Я уже слышал когда-то этот скрежет: так трется о борт подводной лодки минреп — стальной трос, на котором укреплена мина.

Прежде чем я успел что-нибудь сказать, раздалась команда вахтенного командира:

— Стоп моторы!

Лодка замерла. Мы затихли, невольно сдерживая дыхание, ожидая взрыва. Прошла секунда, другая... пятая...

Взрыва не было. Но пронзительный скрежет об оба борта не давал спокойно перевести дыхание. Лодка не двигалась, как будто наткнувшись на какую-то преграду.

В центральном посту появился Газиев. Выслушав доклад вахтенного начальника, быстро спросил:

— Эхолот?

— Работает.

— Сколько под килем?

Короткая пауза. И неожиданный ответ:

— Под килем семь метров.

Газиев резко повернулся к штурману:

— Где мы?

— Тут, конечно, не Тускарора, — побледнел штурман. — Но за шесть тысяч метров ручаюсь! Карта английская... Ллойд...

— Тогда вы уже покойник! — налился гневом Газиев. — Сколько под килем?

— Пятнадцать метров!

— Всплываем?! Глубина?

Все повернулись к глубиномеру. Глубина прежняя, лодка не погружается и не всплывает. Все это похоже на страшный сон.

— Разрешите, товарищ капитан-лейтенант? — слышится глуховатый голос Шухова.

Он стоит тут же, у горизонтальных рулей.

— Говорите.

— Скрежет слишком громкий...

— Что это не минрепы, мне ясно! — прерывает Газиев. — Но тогда что же? Сеть? Гигантский спрут? Морской змей?!

— Вероятно, затонувший корабль, — спокойно продолжает Шухов. — Случай редкий, но возможный. Мы застряли между его мачтой и ван-тами.

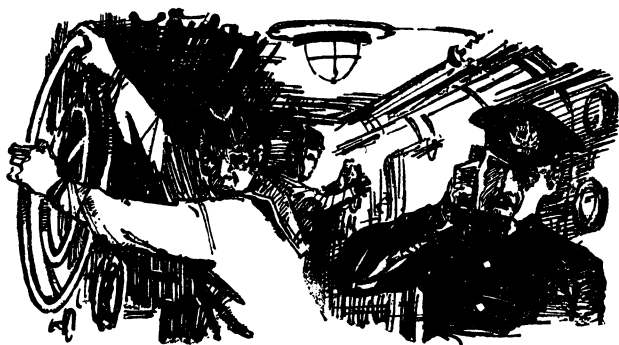
Командиры, собравшиеся в центральном посту, недоверчиво переглядываются. Газиев, нахмутив брови, молчит.

— Похоже, — произносит он наконец. — Спасибо, Константин Петрович.

Шухов сухо наклоняет голову. Он снова рулевой, и не больше.

Все облегченно вздыхают. Старпом вытирает платком липкий пот. Все-таки не мины.

Но освободиться из объятий утопленника не так просто. Нельзя вырваться, дав полный ход, — можно повредить винты и тогда вообще потерять

способность к передвижению. Старпом предлагает продуть балласт и попробовать оторваться от затонувшего корабля. Но Газиев отвергает и этот план — лодка накренилась, стремясь резко всплыть, она может еще плотней прижаться к вантам утопленника и сорвать антенну.

Командир принимает неожиданное решение: принять балласт, утяжелить лодку и, раскачав ее, «сползти» с затонувшего судна.

Краем глаза наблюдаю за Шуховым. Он молчит, не вступая в спор, но, судя по всему, решение командира устраивает и его.

Цистерны приняли воду. Балласт перекачивается с кормы в нос и обратно. Постепенно удастся раскачать лодку. Медленно сползаем вниз. Даем малый ход одним электромотором. Ни с места. Снова скрежет по обоим бортам. Рули не проворачиваются. Утопленник цепко держит свою добычу.

— Оба — средний назад! — командует Газиев.

Оглушительный треск. Лодка свободна.

И все-таки нам не удалось вырваться из объятий затонувшего судна без потерь. Повреждены горизонтальные рули. Отремонтировать их за ночь не успели.

А наутро нас настигло крыло тайфуна, пронесшегося над Тихим океаном. По радио приняли сообщение, что тайфун получил название «Джейн». И кто это только издевательски придумал называть нежными женскими именами эти страшные, несущие гибель ветры?

Всем своим правым флангом тайфун обрушился на Алеутскую гряду. Мы никак не могли пробиться в Датч-Харбор.

Волны ударялись о лодку с такой силой, что казалось, еще мгновение, и лопнет стальная обшивка корпуса. Корабль опрокидывало, кидало, вдавливало в море. И нельзя было уйти, спрятаться, нырнуть в спасительную глубину.

Была секунда, когда мне показалось: конец — такой немыслимой высоты вал шел на лодку. До боли вцепившись в поручни, мы вжались в сталь под защиту козырька. В следующий миг над нами потемнело небо... Невероятный удар вбил нас в сталь обшивки, страшная тяжесть навалилась на грудь, заостенели стиснутые у поручней ладони...

Когда схлынул вал и мы, не веря в свое спасение, выпрямились и поняли, что лодка продолжает мерно идти вперед, а догоняющие ее валы как будто не так уж и страшны, тут оказалось, что на мостике нет сигнальщика Феди Бакланова,

весельчака, гитариста, лучшего запевалы нашего скромного хора...

Вот потому так мрачны сейчас лица ребят. Эта смерть вдали от войны потрясла их. Они не могут примириться с нелепой гибелью товарища.

Необычно тих, сумрачен неутомимый остряк, уральский паренек, сигнальщик Гена Блинов. В соседнем отсеке плачет, не скрывая слез, молодой комендор Чугунов. Они с Федей были из одного рязанского села. Море свело их вместе на борту нашей подлодки и вот — разлучило навсегда. В кубрике на койке Бакланова лежит его гитара. Никто не смеет тронуть ее струны.

А волны и стонут, и плачут,
И бьются о борт корабля... —

грустно поет кто-то любимую песню Феди.

Постучав в крохотную каютку, которую я разделяю со старшим помощником, вошел хмурый Газиев. Присев на койку старпома, мрачно спросил:

— Ну? Что будем делать, комиссар? Я прошелся по отсекам, люди раскисли, разговоры — за что погиб...

— Любили Федю.

— А я не любил? — вскинулся Газиев. — Да мне каждый из них дороже брата... И кто там только воет!..

Газиев метнулся к двери. Я остановил его.

— Не мешай людям... Горе есть горе...

— Нет! Я сорок дней траура по каждому погибшему устраивать не позволю! Все! Сейчас объявлю учебную тревогу!

Он решительно выпрямился. Я тоже поднялся.

— Не спеши, командир.. Нам еще с этими людьми воевать...

— Верно сказал! Воевать! На смерть идем... Понимаешь, на смерть!

— Может быть... Хотя лучше думать о жизни. А поэтому сейчас правильное слово для команды важнее всего.

— Какое слово? Что мы скажем людям?

— Правду.

— Какую правду?

— Правда — она одна. Ты знаешь, куда мы идем, я знаю. А они?

— Постой, ты куда клонишь, комиссар? — Газиев заглянул мне в лицо. — Понимаешь, что говоришь? А инструкция, забыл?

— Помню. Только уверен — люди сейчас должны знать, зачем идем, куда. Для чего жертвы приносим...

— А! — Газиев грохнул кулаком по столу. — Верно, комиссар! Инструкции в кабинетах пишут. А здесь океан. У него свой закон. Идем! Ответственность на себя беру!

— Ну, зачем же все на себя? За сохранение тайны и я отвечаю. А не был бы уверен в команде — не советовал бы.

Газиев шумно вздохнул.

— Спасибо, комиссар. Даже не знаешь, какую тяжесть с меня снял. Я же теперь с людьми по-другому разговаривать смогу. В сто раз больше спрашивать буду!

— Главное — люди в тысячу раз больше сделать смогут.

Я вышел в центральный пост.

— Внимание! Говорит замполит. Прошу всех свободных от вахты собраться в кают-компанию. Остальным слушать на своих боевых постах. Сейчас с важным сообщением выступит командир лодки капитан-лейтенант Газиев...

11 ноября. Мы стоим в Сан-Франциско. Экипажи отдыхают, приводят в порядок подлодки. Наш заход в американский порт держится в секрете, но каким-то образом весть о приходе отряда распространилась в городе, и весь день у причалов стоит разноязыкая, разноплеменная толпа американцев, пытаясь хотя бы издали разглядеть советские корабли. Уважение к нашему народу, к подвигу его здесь огромно.

Вместе с командиром отряда мы побывали в городе. Капитан первого ранга Томашевский — Герой Советского Союза. Появление советского морского офицера со Звездой Героя вызывает восторг американцев. (Кстати, мы все теперь — офицеры. Получено сообщение о введении новых наименований командного и рядового состава армии и флота.) Томашевский — единственный из нас побывавший в настоящих морских сражениях. Всем остальным еще только предстоит бои...

Переводчик и гид, которого прикрепило к нам командование порта, упросил нас зайти к нему домой. Он русский эмигрант, покинувший родину после революции 1905 года, когда ему пришлось спастись от царских жандармов. Жена его тоже русская, из Баку. Эти пожилые люди показали нам самое дорогое, что есть в их скромном доме:

мешочки с родной землей, сохраняемые ими уже почти сорок лет.

Газиев был взволнован. Руки его вздрагивали, когда он держал мешочек с горстью земли его родного Азербайджана, попавшей сюда, в Калифорнию, за тысячи и тысячи миль...

...Командир отряда и Газиев остались на вечер в городе, а я вернулся на корабль.

Команда отдыхала. На палубе старшина торпедистов, парторг нашей лодки мичман Митрофанов, немало поплававший по свету моряк, рассказывал что-то матросам. Я прислушался. Наверное, разговор начался опять с трагической гибели Феди Бакланова, и сейчас Митрофанов рассказывал, как когда-то в шторм его смыло с подлодки в Баренцевом море. Спас краснофлотца тогда кинувшийся тут же в воду молодой командир, стоявший дублером свою первую вахту.

— ...Очухался я, — рассказывал мичман. — Хочу поблагодарить своего спасителя, оглянулся, а его нет на палубе! Что такое? Смотрим, а он опять в ледяной воде барахтается, и в руках у него какое-то полотнище... «Флаг! — кричит рулевой. — Сорвало флаг!» И верно, волной с флагштока сорвало наш корабельный флаг. Еще бы минута, и утонуло знамя. А командир, что меня спас, уже окоченевшими руками хватается за шпигат... Тогда у нас много разговору было об этом случае. Кое-кто сомневаться стал, стоило ли командиру второй раз в воду бросаться — все-таки не человек за бортом... А ты как думаешь, Чугунов? — оборвав рассказ, повернулся Митрофанов к молодому матросу, земляку Бакланова. — Стоило?

— Конечно! — встрепенулся матрос. — Как же... Ведь флаг! Это...

— А сам бы кинулся? — спросил кто-то.

— Факт!

— Если б вода была потеплей да море помельче, — невинно вставил Гена Блинов.

Кругом засмеялись. А Чугунов, не на шутку взволнованный, стал доказывать, что он непременно бы кинулся в воду.

— Вот и тот командир говорил, что не мог допустить, чтобы в первую его вахту корабль без флага остался, — заметил Митрофанов.

— Товарищ мичман! — окликнул Митрофанова стоявший вахту штурман. Он внимательно прислушивался к рассказу. — А кто же был этот командир? Где он сейчас?

— Фамилию я его запомнил, товарищ лейтенант, — не сразу ответил мичман. — А где сейчас... Плавает, верно... Служит.

Я знал эту историю. Слышал раньше. Героем ее был Шухов, начинавший службу на одной лодке с Митрофановым. Сейчас он сидел в стороне, пристально разглядывал раскинувшийся в бухте город и, казалось, даже не слышал рассказа мичмана...

...Газиев только что вернулся на корабль. Попросил меня зайти к нему в каюту. Капитан-лейтенант был взволнован, глаза у него блестели.

— Ты выпил, что ли? — спросил я, приглядываясь к командиру. — С какой радости?

— Ой, нет! — рассмеялся Газиев. — Без вина пьян... Генеральный консул помог нам связаться со штабом флота... — Он застенчиво улыбнулся.

ся. — Понимаешь, Оля во Владивостоке... Жива, здорова...

— Поздравляю!

— Спасибо, дорогой... И вот еще... Я попросил, чтобы жена и дочь Константина Петровича ему весточку прислали, хоть несколько слов... Вот, дождался ответа. — Газиев протянул мне листок телеграммы. — Ты передай Шухову, пожалуйста, только так, чтоб не подумал он, что это я специально устроил. Понимаешь?

Я кивнул. В душе невольно ждал, что еще скажет командир. Но он молчал. Значит, для меня по-прежнему нет никаких новостей. Газиев, несомненно, запросил штаб и о моей семье...

20 ноября. Вот уже несколько дней наш отряд идет курсом на юг. Идем в крейсерском положении, не погружаясь, чтобы не снижать скорости хода. Последняя принятая нами сводка Совинформбюро такая, что механики выжимают все возможное из дизелей. Все думают только об одном — скорее! Скорее попасть на фронт, самому увидеть в пересечении нитей перископа силуэт врага, нажать спусковой рычаг торпедного аппарата.

Жарко. В отсеках влажная духота. Люди обливаются потом. С трудом борешься с непреодолимой дремотой.

Командир объявил рабочей формой «раздетыми до пояса». Потом разрешил быть на вахте в одних трусах.

Вчера я не выдержал — вышел в центральный пост в тельняшке. И тут же пожалел об этом:

на вахте среди полуголых людей стояли одетые по форме два человека: Газиев и Шухов. Стояли так спокойно, как будто не было ни сорокаградусной жары, ни душного воздуха подлодки.

Мы идем к тропикам. Солнце в зените. Даже на ходовом мостике нет прохлады. По ночам над головой висят непривычно яркие созвездия. Штурман определяет место по Альфе Южного Креста.

Чтобы облегчить положение команды, Газиев разрешил в темное время суток выходить наверх по два-три человека для короткого отдыха. Теперь ночью у нас двойной комплект наблюдателей.

Но и днем и ночью сигнальщики неизменно докладывают:

— Горизонт чист!

Война. Три года назад здесь был оживленнейший перекресток морских путей, а сейчас ни дыма, ни мачты. Только стаи летучих рыб внезапно взметнутся над ровной поверхностью океана, опишут невысокую дугу и вновь скроются под водой. Таким пустынным видели Тихий океан, наверное, лишь спутники Магеллана...

...Прошлой ночью мы прошли вблизи маленького островка. Мы шли в темноте, без огней, а на островке горели костры, с берега доносился ритмичный перестук барабанов.

Я стоял на мостике рядом с вахтенным — командиром третьей боевой части Сердюком. Поодаль в темноте тускло светились огоньки папирос «сверхштатных» наблюдателей.

Море было спокойно. Ветер доносил запах неведомых цветов, и звук барабанов будил смутные, полузабытые мечты юности о тропических лесах,

дальних странствиях, неизвестных людям островах.

— Праздник у них там, наверное! — слышалось рядом.

Я узнал голос Чугунова.

— А может, напротив, война? — возразил другой голос. Это Блинов. — Я читал, они в войну барабанами сигналы подают, как по азбуке Морзе.

— Нет, — вмешался третий невидимый собеседник. — Это, точно, праздник. Слышите, как барабаны бьют? Звучно, а без тревоги...

Это вносит ясность в спор Митрофанов.

— Вот бы взглянуть! — мечтательно вздохнул Чугунов.

— А ты попроси командира, — посоветовал Блинов. — Так и так, мол, комендор Чугунов желает сделать здесь остановку на предмет посещения концерта местного ансамбля песни и пляски.

Матросы тихо рассмеялись.

— Тише! — воскликнул Блинов. — Тише!.. Чуете? Поют будто...

Все затихли. И верно, порыв ветра донес далекий женский голос.

— Тоскует... — сказал Митрофанов.

— Кличет вроде кого-то... Может, он тоже в море ушел?

— Чужая печаль, а понятна...

— У нас на Урале девчата тоже славно поют, — проговорил Блинов. — А у вас, товарищ мичман, на Дону какие песни!

— У меня дома сейчас не до песен... — не сразу, глухо произнес Митрофанов. — Немец там...

Разом смолкли все разговоры. Исчезло очарование тропической ночи. Затих ветер. Не стало пряного запаха неведомых цветов. Смолк женский голос.

— Пора, товарищи! — строго сказал Митрофанов. — Надо и другим дать глотнуть свежего ветра.

Мостик ненадолго опустел.

Мы обогнули мыс, и скрылись из виду огни костров. Только долго еще доносился затихающий перестук барабанов. Но теперь он мне в самом деле казался беспокойно-тревожным...

25 ноября. Сейчас все уже позади. Только что обошел лодку. Спят подвахтенные. Но люди на вахте возбуждены. Всюду разговоры, неохотно смолкавшие при моем появлении, а отвлекаться нельзя ни на секунду. Минувший день научил нас многому. Обманчиво пуст оказался Тихий океан. События последних часов не скоро изгладятся в нашей памяти...

Днем сигнальщик доложил, что видит бурунчик на горизонте. Газиев взгляделся и крикнул:

— Всем вниз! Срочное погружение! Боевая тревога!

Через мгновение мостик опустел. Командир, рулевой, сигнальщики скатились вниз. Захлопнулся люк.

— Подлодка! — задыхаясь, сказал Газиев. — Идет прямо на нас!

Наша лодка с дифферентом на нос стремительно уходила вниз.

— Глубина пятнадцать! — доложил боцман.

— Задержаться на двадцати пяти! Моторы самый малый! Акустикам слушать!

Замерло все в отсеках. Ни звука. Мертвая тишина. Как будто не было здесь пятидесяти подобранных, готовых к бою людей.

Но тишина царила и за бортом. Сколько ни напрягали слуха акустики — ни звука в толще воды.

— Боцман, всплывай на перископную глубину! — приказал Газиев.

Лодка, качнувшись, поползла вверх. Газиев, подняв перископ до предела, напряженно ждал мгновения, когда откроется поверхность океана.

И вдруг голос акустика:

— Слышу шум винтов подлодки слева!

Все замерли. Срывающийся голос акустика:

— Слышу гул торпед! Идут слева от нас! Пен-ленг пятнадцать!

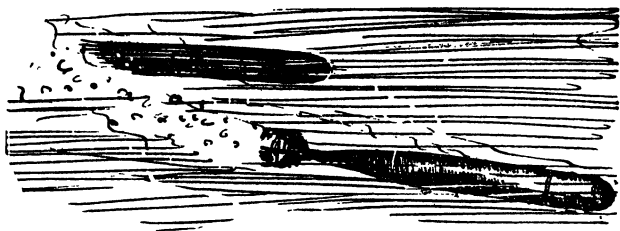
Теперь все решали доли мгновений.

— Заполнить цистерну балластного погружения!

Лодка камнем пошла на глубину.

Голос акустика:

— Торпеды проходят над нами! Шум винтов слева!

Газиев не отрываясь смотрел на глубиномер. Стиснул зубы.

— Ныряй на глубину!

Снова лодка рванулась вниз. Стрелка глубиномера летела по циферблату. 50 метров... 60...

— На семьдесят задержаться! — скомандовал Газиев. — Акустику слушать горизонт!

Опять замерли.

— Слышу шум торпед! Идут над нами! Шум винтов лодки по корме!

— Расстояние?

— Восемь кабельтовых.

— Пеленг?

— Тридцать градусов!

— Право сорок пять! Кормовые аппараты... Товсь!

Окаменело лицо Газиева. Сжались кулаки. Наконец он даст сейчас первый залп по врагу!

— Аппараты, пли!

Вздрыгнул корпус лодки.

— Торпеды вышли!

Теперь все обратились в слух. У Газиева шевелились губы: считал про себя секунды.

Но секунды шли, а взрыва не было. И с каждым мгновением мрачнел Газиев.

Когда-то Шухов сказал мне: «Для подводника лучшая музыка — взрыв торпеды, посланной в борт вражеского корабля. И похоронный марш — тишина после промаха».

Его бывший помощник, видно, тоже усвоил эту музграмоту.

— Шум винтов подлодки справа по борту! — доложил акустик. — Пеленг сто двадцать!

Газиев очнулся.

— Лево на борт! Средний вперед!..

Так начался этот чудовищный поединок слепых. Все зависело от того, у кого окажутся крепче нервы. Маневрируя, нам удавалось уклониться от атак врага, но и наши торпеды не достигали цели.

После каждого промаха прилиwała кровь к смуглому лицу командира. Газиев забыл, что это лишь первый его бой, а противник может быть опытейшим подводным асом, что весь экипаж нашей лодки держит только первый экзамен. Газиев понимал лишь одно: рядом враг и он должен во что бы то ни стало уничтожить его...

В отсеках считают вражеские торпеды, проносющиеся рядом.

— Пятая...

Бесконечно долго тянется время.

— Шестая...

Миновал еще час.

— Седьмая...

Все реже залпы. С каждой ушедшей торпедой противник становится осторожней.

Томительно тянется время. Нервы напряжены до предела. Слух обострен так, что, кажется, пролети муха — ее жужжание покажется грохотом бомбардировщика.

— Восьмая...

Еще одна торпеда проходит мимо. Но и нам никак не удастся достать врага. Проиграет тот, кто первым окажется безоружным.

— Шум винтов прямо по носу, пять кабельтовых!

Слишком велик соблазн.

— Носовой третий... Пли!

И опять увернулся противник. У нас осталась одна торпеда. Последняя. Нам остается только ждать. Чтобы точно сказать, сколько прошло времени, мне придется заглянуть в вахтенный журнал. Мне показалось, до следующего возгласа акустика прошла вечность.

— Слышу торпеду слева по борту!

— Держать глубину!

Затаив дыхание, слышим, как совсем рядом проходит смерть. Это девятая торпеда противника.

Если неизвестная подлодка того же класса, что и наша, то и у врага остались всего одна-две торпеды. В этой борьбе, где ставка — жизнь пятидесяти людей, выиграет теперь тот, кто окажется более терпеливым...

Пятый час длится подводная дуэль. В лодке

тяжело дышать. Но нельзя всплыть, освежить воздух. Надо ждать.

И мы ждем. Ждем, задыхаясь, обливаясь потом. От напряжения обручем стискивает голову. Мы ждем.

Но ждет и враг. Мы не знаем даже, чья это лодка. Японская, принявшая нас за американцев? Забравшаяся так далеко субмарина гитлеровцев? А может быть...

Враг затих. Мы не слышим больше шума его винтов. Отступил? Покинул поле боя? Ушел?

Газиев не выдерживает. Он приказывает подвсплыть, не продувая балласта, с помощью горизонтальных рулей.

Я с тревогой смотрю на него. Но приказ командира — закон.

Лодка подвсплыла. Глубина — тридцать.

— Самый малый вперед!

Зашумели винты. Теперь их, несомненно, услышит враг, если он еще рядом.

Газиев бросился к акустику, взял запасные наушники. На лбу у командира крупные капли пота, у переносицы залегли глубокие морщины. Он постарел за этот бой. Отбросил наушники.

— Лево на борт! Самый полный вперед!

И тут же запоздалый доклад акустика:

— Слышу торпеду! Справа по борту!

Но лодка уже стремительно поворачивает. На рулях стоит Шухов... Где-то совсем рядом, едва не задев обшивку, проходит ищущая нас смерть...

— Десятая!..

Сейчас все решится. Что будет делать теперь враг?

Газиев снова метнулся к акустику. Напряженно вслушивался.

— Боцман, на перископную!

— Слышу воздух! — доложил акустик. — Продувают цистерны!

Всплывают. Значит, враг безоружен и хочет уйти... Вот теперь должна сработать наша последняя торпеда в кормовом аппарате. Там все давно готово на «товсь».

— Право на борт! — прильнув к перископу, командует Газиев.

Лицо его просияло. Наконец он видит врага. Вражеская подлодка заплесала в перекрестке нитей перископа.

— Пли!!!

Мгновенье. И тревожный, особенно громкий выкрик торпедиста:

— Торпеда сработала, вышла не полностью!

Лицо Газиева исказилось.

— Что?!

— Во втором аппарате торпеда сработала, вышла не полностью, — повторил торпедист.

Кто-то охнул рядом. Каждый представил себе выступившую за кормой головку торпеды и нависшие над капсюлями острия инерционных ударников.

А главное, это была наша последняя торпеда!

Газиев стиснул кулаки. Вновь наклонился к перископу. Резко бросил:

— Всплытие! Артиллерийская тревога! Артрас-

четы обеих пушек — в смежные с центральным постом отсеки!

Газиев встал у люка, нетерпеливо ожидая, когда можно будет открыть его.

— Артиллеристы к трапу! Шухов! На мостик к рулю!

Шухов молча подошел к люку.

Я шагнул к командиру. Тихо спросил:

— Что ты задумал?

Он отмахнулся:

— Артрасчеты за мной!

Газиев первым выскочил на палубу. Следом Шухов, комендоры, потом я. Артиллеристы бросились к орудиям. Газиев стоял на мостике. Всего в восьми кабельтовых по левому борту виднелось низкое тело подлодки врага.

— Курс... — выкрикнул Газиев. — Носовое, прицел... Фугасным...

Шухов повернул голову.

— Нельзя! — глухо произнес он.

— Что?!

Газиев непонимающе смотрел на рулевого.

— Нельзя вступать в артиллерийский бой при невышедшей торпедой, — тихо, чтобы не слышали комендоры, сказал Шухов. — Один разрыв рядом — и нам конец.

— Трус!

Я никогда не видел, чтобы так мгновенно бледнел человек, как побледнел Шухов. Но Шухов справился с собой.

— Мы должны дойти, товарищ командир!

— Пререкания в бою? — так же тихо и оттого страшно проговорил Газиев. — Расстреляю!

Я поверил — сейчас бы он застрелил Шухова, будь у него под рукой пистолет.

Я загородил Шухова. Взглянул в округлившиеся от ярости глаза командира.

— Комиссар! — выдохнул Газиев.

— Да, я комиссар... А ты командир, твой приказ — закон. Не забывай!

Газиев задохнулся. Секунду на мостике стояла тишина.

— Носовое орудие к бою готово! — доложил командир расчета.

— Кормовое орудие к бою готово!

Газиев резко отвернулся. Перевел дыхание.

— Отставить! — устало произнес он.

На запад, к заходящему солнцу, удалялась вражеская подлодка...

**Народному комиссару
Военно-Морского Флота СССР**

жены военнослужащего Ольги Свиридовой

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой муж, подводник капитан-лейтенант Газиев Ф. М., находится в действующем флоте. Мне двадцать два года, я радист 1-го класса, работала в условиях осажденного Ленинграда. Я абсолютно здорова, имею первые спортивные разряды по лыжам и волейболу, второй — по плаванию. Я не могу, не смею быть сейчас на Дальнем Востоке, в глубоком тылу. Убедительно прошу Вас, товарищ нарком, использовать меня на любой, самой опасной работе в районе боевых действий Северного флота...

Дневник Сергея Самарина

1 января 1943 года. Вот и Новый год. А мы все еще в пути. Позади Тихий океан, Панамский канал, стоянка на Кубе. Теперь наш курс лежит на север.

Новый год встретили скромно, по-походному. Свободные от вахты матросы и командиры собрались в кают-компаниях. Газиев поднял тост за победу.

Самую большую радость доставил нам старшина радистов Виктор Мигунов. Он ухитрился принять и записать последние известия, переданные московским радио. Как слушали эту обычную хронику дня Родины наши ребята!

Они изменились за время похода, стали мужественней, взрослей. Правда, много еще от молодости, от непережитой романтики юности. Кое-кто обзавелся пиратскими бородками, и юношеские лица сейчас покрывает кудрявая поросль. Это были близкие, родные мне люди. Я знал каждого из них, знал их заботы и думы, знал, что на каждого можно положиться в самую трудную минуту.

Среди собравшихся в кают-компании не было Шухова. Мы с Газиевым прошли по отсекам, поздравили с Новым годом стоявших вахту. Не было Кости и в центральном посту.

Я поднялся на верхнюю палубу. Новогодняя ночь была темной, прохладной. Тропики позади. На вахте приходится кутаться в меховой реглан. Поздравил с праздником штурмана Вихрова, рулевого и сигнальщиков и уже собрался вернуться в кают-компанию, когда заметил на корме одинокий силуэт.

Я спустился с мостика, подошел ближе. Укрывшись за кормовым орудием, курил сигарету Шухов. За последнее время он еще больше осунулся, над впалыми щеками резко выступили скулы.

— С Новым годом, Константин Петрович!

Шухов обернулся. Выпрямился.

— Спасибо, товарищ старший политрук.

— Почему ты сейчас здесь?

— Я нахожусь на палубе с разрешения вахтенного командира.

— Я не о том... Почему ты один?

Шухов промолчал. Мы были наедине. Вахтенный сигнальщик и рулевой стояли далеко.

На подводной лодке не так легко найти место для разговора с глазу на глаз.

— Почему не со всеми, Константин Петрович? — вновь спросил я.

— Душно там, — проговорил Шухов, не поворачивая головы.

— Душно? — удивился я. — Для тебя, старого подводного жителя...

Вот этого, пожалуй, не следовало говорить. Я почувствовал, как Шухов весь подобрался в темноте. Я достал трубку, спросил огня. Мой собеседник молча чиркнул зажигалкой.

— Константин Петрович, — сказал я, закурив, — что происходит?

— Душно... — упрямо повторил Шухов.

Я тронул его за плечо.

— Костя... Мы ведь знаем друг друга не первый год... Я понимаю, тебе трудно... Но нельзя же так замыкаться... Тебе тяжело с Газиевым...

— Капитан-лейтенант Газиев прав, — прервал меня Шухов. — Приказы командира не обсуждаются. Особенно в бою... — Губы Кости тронула горькая усмешка. — Он только забыл, что однажды меня уже чуть не приговорили к расстрелу.

— Газиев извинился перед тобой потом. Ты знаешь его характер, ему это нелегко...

Шухов загасил сигарету. Выпрямился. Казенным голосом спросил:

— Разрешите идти, товарищ старший политрук?

Шухов спокойно смотрел мне прямо в глаза. Я понял — разговор окончен.

— Идите...

Прямая фигура Шухова скрылась в люке. Да, нелегко будет мне подобрать ключи к опаленной душе моего старого друга...

23

Запись в вахтенном журнале подводной лодки «С-716»

17 января. 15.14. Вахтенным сигнальщиком на весте замечены дымы на горизонте. Слышен гул артиллерийской стрельбы.

15.20. Лодка легла на курс 90°. Боевая тревога.

15.39. Погрузились на перископную глубину.

15.57. В пятнадцати кабельтовых по курсу ведет бой германский рейдер — легкий крейсер типа «Нюрнберг» с неопознанным транспортным судном.

16.22. Залпом носовых аппаратов торпедирован рейдер. Крейсер затонул после взрыва двух торпед в районе мостика.

24

Из приказа командира отряда подводных лодок капитана первого ранга Томашевского

§ 1. За умелые и смелые действия во время атаки и потопления немецко-фашистского рейдера

экипажу подводной лодки «С-716» объявить благодарность. Приказ зачитать перед строем личного состава корабля.

§ 2. За грубое нарушение походной инструкции, выразившееся во вступлении в бой с немецко-фашистским рейдером, что могло привести к демаскировке следования отряда, командиру подводной лодки «С-716» капитан-лейтенанту Газиеву Ф. М. и замполиту старшему политруку Самарину С. М. объявить строгий выговор.

Содержание данного пункта приказа сообщить всем командирам кораблей для сведения командного состава отряда.

25

Дневник Сергея Самарина

17 января. ...Мы обедали в кают-компании, когда вахтенный вызвал командира на мостик.

Мы с Газиевым поднялись на верхнюю палубу. Вахтенный протянул командиру бинокль, но уже и невооруженным глазом был виден на северо-западе стелющийся по горизонту дым корабельных труб. Ветер доносил звуки отдаленной артиллерийской стрельбы.

Мы имели предписание не вступать в бой с противником без крайней необходимости. Под «крайней необходимостью» подразумевалось лишь прямое нападение на подлодку. Но уйти, не выяснив, что происходит в нескольких милях от нас, было тоже невозможно.

Газиев объявил боевую тревогу, приказал готовиться к погружению и взять курс на дымы.

Примерно через четверть часа в бинокль можно было разглядеть силуэты двух кораблей. На северо-западе шел морской бой. Судя по калибру рвущихся снарядов, один из кораблей был легким крейсером.

Газиев не отрывался от бинокля. Второй раз он видел перед собой врага.

Я тронул Газиева за рукав реглана.

— Знаю! — обернулся он. — Все знаю. Все инструкции наизусть помню! Вахтенный, ложитесь на прежний курс!

И, тяжело ступая, пошел с мостика. В этот момент в люке показался радист.

— В чем дело? — нахмурился Газиев.

— Принял радио. Просят помощи по-английски, открытым текстом.

— Что за корабль?

— Точно не разберу... Слышимость плохая... Только худо там у них сейчас... Совсем труба, товарищ командир!

Газиев задумался. Повернулся к вахтенному:

— Отставить поворот. Погружение на перископную глубину...

В боевой рубке Газиев нетерпеливо припал к перископу, не ожидая, пока лодка погрузится на должную глубину. Он старался ни на секунду не выпустить из поля зрения картину боя.

Все находившиеся в боевой рубке напряженно следили за выражением лица командира — он один сейчас видел то, что происходит наверху.

Постепенно стала ясной разыгрывающаяся на

поверхности моря трагедия. Немецкий рейдер преследовал транспорт, пытавшийся уйти под прикрытием дымовой завесы. Ответного огня не было. Преследуемый корабль пытался лишь, маневрируя, уклониться от снарядов крейсера.

Мы подошли так близко к месту боя, что уже не только акустики, но и все в лодке ощущали разрывы снарядов в толще воды. По редким репликам Газиева мы понимали, что транспорт упорно увертывается от обстрела.

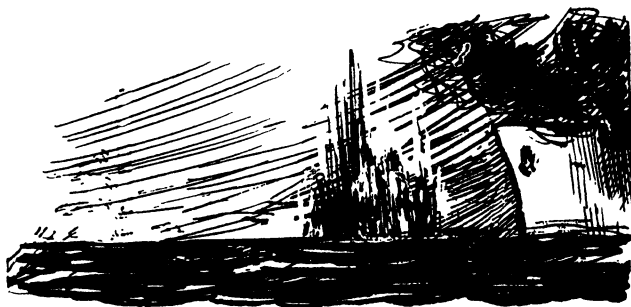
Вдруг лицо командира перечеркнула судорога. Он застыл у перископа. Произнес сквозь зубы:

— Взгляни, комиссар!

Газиев чуть подвинулся, давая мне место у окуляров.

В перископ был отчетливо виден накренившийся транспорт. На мачте развевался восьмилучевой флаг английского флота. Серый борт корабля высоко поднялся над водой, и на нем четко вырисовывались огромные кресты...

Это было госпитальное судно.

— Видишь, комиссар? Хорошо смотри!

Я смотрел. Фашистский рейдер расстреливал безоружное госпитальное судно, а мы смотрели. Там, на транспорте, в подвесных койках метались раненные; тщетно пытаюсь помочь беспомощным людям,

сбивались с ног медицинские сестры, а мы смотрели...

Что можно было сделать? Связаться с командиром отряда нельзя, для этого надо всплыть на поверхность. К тому же мы не имели права вступать в радиосвязь без пресловутой «крайней необходимости».

Между тем положение плавучего госпиталя становилось отчаянным. Крейсер приближался, методично обстреливая гибнущий корабль. Изпод палубных надстроек транспорта повалил дым.

На госпитальном судне начался пожар. По палубе заметались фигурки людей. Кто-то пытался спустить шлюпки. Я невольно представил себе задыхающихся в дыму, закованных в гипс и повязки неподвижных людей...

Новый взрыв отозвался в корпусе нашей лодки. Газиев, оттолкнув меня, бросился к перископу.

— Что? — не выдержал кто-то стоящий рядом.

— Держится... — проговорил сквозь зубы Газиев.

Он обернулся, взглянул бешеными глазами.

— Что будем делать, товарищи моряки Красного флота?

— Атакуй! — сказал я. — Атакуй, командир!..

26

Из письма Ольги Свиридовой,
оставленного ею на базе
подводного флота в Полярном

...За окном полярная ночь. Там на серых скалах лежит городок, будто расчерченный гигант-

ским циркулем вокруг серой бухты. Странный город, где из каждых четырех прохожих по крайней мере трое моряков и почти нет детей... Но я люблю этот город, люблю потому, что здесь мы должны встретиться с тобой.

Через несколько часов я уезжаю. (Боже, что написала я, жена моряка: «уезжаю»!) «Ухожу». Ухожу на «малютке» Героя Советского Союза Лукина. Его знают в лицо все жители этого морского города. А он, оказывается, учился вместе с тобой в училище и отлично помнит тебя.

Я ухожу с отрядом разведчиков, которыми командует тоже бывший подводник и тоже знаменитый на Севере человек — лейтенант Леонидов. Но сейчас он воюет на суше. С нами идут двое товарищей — норвежцев...

Теперь я не могу сообщить тебе свой маршрут. Впрочем, я и сама не знаю его достаточно точно...

Если я вернусь раньше, чем придешь ты, я встречу твою лодку на пирсе. А если нет... Тогда жди. Я скоро буду здесь. Видишь, тебе не удастся скрыться от меня даже на другом конце земли. Если бы ты знал, как мне не хватает тебя!..

27

Дневник Сергея Самарина

1 февраля. Весь наш отряд собрался в одной из военно-морских баз Шотландии. Мы готовимся к последнему переходу. Ремонтируем потрепанные штормами лодки, меняем аккумуляторные батареи. Здесь базируется флотилия подводных лодок

союзников. Она действует в Северной Атлантике на стыке с районом действий Северного флота. Это наши ближайшие соседи на западе. Флотилию сформировала сама война с гитлеровской Германией, захватившей почти всю Западную Европу. Кроме английских лодок, в ее составе французские, датские, голландские, норвежские и даже польская субмарина «Кондор». Их привели сюда моряки, не желавшие смириться с поражением. Из портов союзника они продолжают борьбу с врагом.

Вчера в честь нашего прихода командование базы устроило торжественный обед. За столами звучала речь едва ли не всех народов Европы. Но чаще других повторялись с разными акцентами два хорошо знакомых нам слова: «Волга» и «Сталинград». Сейчас в городе у Волги доколачивались взятые в кольцо дивизии фельдмаршала Паулюса.

Поднялся плотный моряк, на кителе которого был приколот маленький шестиконечный крестик — знак Сражающейся Франции.

— Я хочу поднять тост за наших учителей! — Француз поклонился в нашу сторону. — Да, господа, — продолжал он. — Мы учимся у русских мужеству. И не только сейчас, когда этот великий народ ломает Гитлеру хребет на берегах Волги... В дни капитуляции я сам торпедировал наши крейсера в Тулоне, чтобы они не достались врагу... Не знаю, помнило ли об этом наше командование, отдавая приказ, но я все время думал о том, что два десятилетия назад точно так же поступили моряки революционной России. Они потопили свой флот в Новороссийске, чтобы он не достался бошам!.. Итак, я пью за наших учителей!..

Кто-то тронул меня сзади за плечо. Я обернулся. С бокалом в руке стоял высокий, с сильной проседью человек. Лицо его было мне знакомо. Моряк глядел на меня с явным изумлением.

— Простите, — сказал он по-русски, с заметным акцентом. — Вероятно, я ошибаюсь... Но вы очень походите на одного человека. Вы не Святозар Вукманович?

Я тут же узнал этого человека. Мы встречались с ним не раз, но в те времена он носил другую форму, впрочем, так же, как и я.

— Да, — сказал я, вставая. — Я Святозар Вукманович, печатник из Загреба, если вы — Морис Гренье, шофер из Тулузы.

Глаза моего собеседника изумленно расширились. Но в следующую секунду он хлопнул меня по плечу и громко расхохотался.

— Матка боска! Мы, оказывается, оба играли в одну игру!.. Мое настоящее имя — Тадеуш Снядецкий. Я механик «Кондора».

— А я Сергей Самарин.

— Черт побери! — он чокнулся со мной. — Выпьем за знакомство!

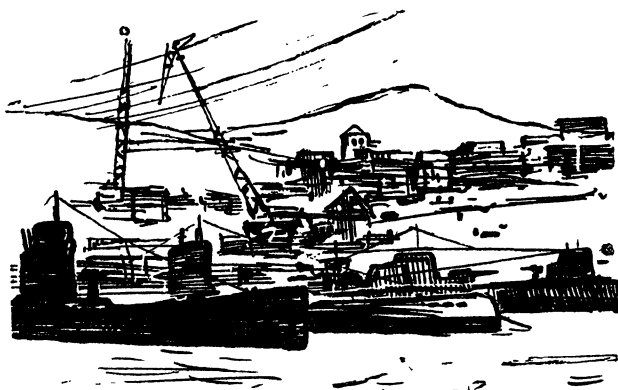
Мы воевали вместе в Испании. Я выдавал там себя за серба, а мой собеседник — за француза. Меньше всего, конечно, можно было ожидать нашей встречи теперь, в шотландском порту.

— В тридцать восьмом меня интернировали, — рассказывал Снядецкий, — во французских Пиренеях. Ты помнишь, я свободно говорил по-французски. Мне удалось бежать из лагеря и пробраться на родину... Там опять пришлось жить по чужому паспорту. В Польше не жаловали бойцов

бригады Домбровского... Но прежний обладатель моего паспорта оказался в прошлом матросом. Перед самой войной меня призвали во флот. Я попал на подводную лодку «Кондор». В сентябре тридцать девятого мы ушли из горящего Гданьска... Прорвались через проливы в Северное море и пришли в Англию. С тех пор мы воюем. Видишь, я был рядовым — стал механиком... И наконец ношу свое настоящее имя!..

Кругом шумело разноязыкое застолье, а мы с Тадеушем вспоминали и вспоминали тех, кто был рядом с нами шесть лет назад в горах Толедо и на полях Ла-Манчи.

— Слушай! — улыбнулся Снядецкий. — Оставься здесь, в нашей флотилии, вместе со своей лодкой. Тогда у нас снова будет настоящая Интернациональная бригада!

Командующий флотилией, молодой английский адмирал, попросил внимания. Он по праву хозяина открывал обед, теперь он хотел произнести последний тост.

— Господа! — начал он. —
Друзья!..

Внезапно распахнулась дверь, и вбежал совсем юный офицер. Забыв о строгих правилах морской субординации, он закричал, перебив адмирала:

— Господа! Внимание! Только что принято радио... Фельдмаршал Паулюс капитулировал!

На секунду в комнате воцарилась тишина. А затем раздался

торжествующий многоголосый вопль. Нас вытащили из-за стола и принялись качать.

Адмиралу не скоро удалось установить тишину. Он попросил наполнить стаканы.

— Вряд ли я мог бы предложить лучший тост! — произнес он. — За тех, кто сейчас победил на Волге!

Мы чокнулись с Тадеушем. И наверное, он так же, как и я, вспомнил тех, кто принял первый бой с фашизмом и остался навсегда в долинах «гренадской волости»...

9 февраля. Мы вышли, говоря языком спортсменов, на финишный бросок. Теперь следующая наша стоянка уже в Полярном.

Но впереди еще долгий и, должно быть, самый опасный переход почти в полторы тысячи миль вдоль берегов Скандинавии, из Норвежского моря в Баренцево, мимо фьордов, где сосредоточены главные силы фашистского флота, где ежедневно на охоту за караванами кораблей союзников вылетают с баз самолеты, выходят отряды подводных лодок, где все время рыщут в поисках добычи рейдеры врага.

Англичане сообщили, что разведка предполагает сосредоточение немецких кораблей на севере, возле берегов Исландии, где первоначально был проложен наш маршрут.

Теперь наш отряд пойдет западней и южнее, значительно ближе к берегам Норвегии. Нам предстоит форсировать обширные минные поля. Этот путь намного труднее, но англичане уверяют, что

сейчас он безопасней. Они передали нам карты минных заграждений, разведанных ими в этих районах...

На последней стоянке у нас был с командиром отряда долгий разговор о Шухове. Константин подал рапорт с просьбой перевести его на другую лодку. Газиев категорически отказал. Я, подумав, поддержал его в этом. Шухов должен привыкнуть к своему новому положению, переломить себя здесь, на той лодке, на которой начал поход, где рядом с ним два близких человека, как бы трудно ни складывались отношения с ними. Перевод его во время похода на другой корабль мог вызвать лишь совершенно ненужные разговоры и толки среди экипажей...

Время сейчас, как никогда, напряженное. Чем ближе родная земля, тем большее волнение, большая тревога невольно охватывает всех. Мои товарищи по лодке внешне спокойны. Но за обычными разговорами, шутками, работой чувствуется огромное внутреннее напряжение.

Скорее бы уже ошвартоваться у пирса в Полярном!

28

**Из донесения командующего германской
военно-морской базой в Стангер-фьорде**

10 февраля 1943 г.

В последние дни сообщения воздушной разведки, а также радиогаммы с кораблей, курсирующих в южной части Норвежского моря, свидетель-

77

ствуют о появлении в этом районе соединения подводных сил противника, направляющегося на север. Сопоставляя эти данные с агентурными сведениями, можно с достаточным основанием предположить, что речь идет об отряде подлодок, перебрасываемых для укрепления Северного флота русских, базирующегося в Кольском заливе. Учитывая всю важность последствий прорыва в Баренцево море крупного подкрепления советским подводным силам, считаю необходимым перехватить указанное соединение и уничтожить его, не дав выйти на коммуникации, жизненно важные для операций имперского флота.

Если предположения о маршруте следования отряда верны, то желательно перехватить его в квадратах Б-37, Б-38, Б-39, Б-40, где насыщенность минными полями вынудит подлодки неизбежно следовать в районе, ограниченном...

29

**Из вахтенного журнала
флагманской подлодки отряда**

13 февраля.

5.00. Вышли на радиосвязь с кораблями группы.

5.11. Принято сообщение «С-716», идущей в голове отряда. На лодке все в порядке. Горизонт чист. Начинает форсирование минного поля.

5.20. Принято сообщение «С-712».

5.31. Принято сообщение «С-714».

5.42. Принято сообщение «С-713».

5.58. Принят внеочередной вызов «С-716». Слы-

шимость плохая. Записан и расшифрован обрывок радиограммы: «Замечен... Иду на...» Передача прервалась.

6.15. «С-716» на вызовы не отвечает. Всем лодкам приказано слушать на волне «С-716».

7.10. «С-716» на вызовы не отвечает.

9.30. «С-716» на вызовы не отвечает.

11.00. «С-716» не отвечает.

14 февраля.

6.00. «С-716» на вызовы не отвечает...

30

Дневник Сергея Самарина

13 февраля. ...Пишу эти строки второпях, воспользовавшись короткой передышкой. Но я считаю необходимым успеть занести в дневник как можно подробней все события минувшего дня. Если нам суждено дойти до цели, то именно эти страницы станут, наверное, главными в моей будущей книге о нашем походе.

Ночью мы провели очередной сеанс радиосвязи с командиром отряда. Сегодня обычный ночной разговор был особенно важным для всех.

Мы подошли к минным полям, разведанным англичанами в этом районе. На сеансе радиосвязи мы согласовали порядок прохода минных заграждений по неширокому свободному от мин фарватеру. Наша «С-716» идет первой. Мы прокладываем путь остальным.

79

После разговора с командиром отряда мы с Газиевым поднялись на мостик. Спокойно стучали оба дизеля. Лодка шла курсом норд-норд-ост. Моросил мелкий, смешанный со снегом дождь. Чувствовалось дыхание близкого севера. Газиев зябко кутался в меховой реглан. В последние дни он себя неважно чувствовал, его знобило, но порошки нашего судового фельдшера упорно отвергал и все свое время отстаивал полностью от склянки до склянки.

Сегодня командир был особенно молчалив и задумчив.

— Шел бы ты вниз, — сказал я.

Газиев покачал головой.

— Нет... Здесь мне лучше. Иногда вспоминаю горы, и тогда хочется хоть глоток свежего воздуха.

— Ну, этот воздух горным не назовешь.

— Да... Балтийская погода.

— Как в Ленинграде.

Газиев кивнул. Помолчав, спросил:

— Сегодня тринадцатое?

— Тринадцатое.

— У Ольги день рождения.

— Поздравляю.

— Двадцать три исполнилось... — Командир вздохнул. — Последний раз два года назад праздновали. В Ленинграде. Такая же погода была. Загадывали, что с нами через десять лет будет... — Газиев снова вздохнул.

— Не грехи, Фахри. Ты хоть знаешь, что с ней, где она...

Газиев нашел мою руку, лежащую на поручне, крепко сжал.

— Извини. Просто Ольгу вспомнил, затосковал. Другой такой нет.

— Все они для нас единственные...

— Да... — негромко проговорил Газиев. — Это такое счастье, что Оля сейчас в тылу... Хотя за нее я спокоен. Придем в Полярный — в сто слов телеграмму ей закачу!

— В двадцать пять.

— Почему двадцать пять?!

— Согласно телеграфной норме военного времени. Двадцать пять слов, включая адрес. Больше не выйдет.

— Двадцать пять мало... — Газиев улыбнулся. — А я ей четыре подряд пошлю! А? С продолжением... Так можно?

— Попробуй.

Командир, довольный, рассмеялся.

— Ох, и праздник на родной земле устроим!

— На родной земле воевать будем.

— А это тебе не праздник?

— Для меня праздник в первый день мира будет.

— Не прав, комиссар! — Газиев строго взглянул на меня. — Лучше сейчас праздника нет, чем горло зверю рвать!.. Немного осталось.

— Полторы тысячи миль без малого.

— Все равно немного! — упрямо повторил командир. — Родным ветром уже тянет, — он грубо вздохнул. — Чувствуешь?

Ветер в самом деле тянул с севера. Дождь прекратился. Расчистилось небо. Сквозь разрывы туч проглянули быстро бледнеющие утренние звезды. Светало.

Пусть волны и стонут, и плачут,
И бьются о борт корабля... —

негромко проговорил Газиев.

— Помнишь, как пел Федя Бакланов? «Но радостно встретит героев Рыбачий...»

— Справа по борту силуэты кораблей! — доложил сигнальщик...

31

Из вахтенного журнала
подводной лодки «С-716»

13 февраля.

5.45. Справа по борту, пеленг 30, замечены силуэты кораблей. Боевая тревога.

5.47. Идем на сближение с замеченными кораблями.

5.52. Курсом на норд-вест следуют два эсминца и три сторожевых судна противника.

5.58. Передана радиограмма командиру отряда о появ-

лении противника. Квитанция не принята.

5.59. В воздухе самолет-разведчик. Погрузились на перископную глубину. Продолжаем наблюдение за немецкими кораблями.

32

Дневник Сергея Самарина

13 февраля (продолжение). ...Мы спустились в боевую рубку. Штурман Вихров проложил на карте курс фашистских кораблей. Они шли на северо-запад.

— Идут в проход между минными полями, — сказал штурман. — Вероятно, перебазируются на север.

— Так думаете? — Газиев напряженно смотрел на карту. — А если они не уйдут на север?

— Куда же они денутся?

— Останутся у выхода из минных полей. Дождутся, пока все наши лодки войдут в проход и двинутся навстречу. Отряд окажется в мышеловке.

— Но для этого надо, чтобы они знали о нас.

— А ты поспоришь на свою бороду, что не знают? — Газиев усмехнулся. — Лично я не поставил бы своих усов.

— Слышу шумы винтов нескольких кораблей! — доложил акустик. — Пеленг тридцать. Следуют курсом напересечку нам!

— То-то, что напересечку, — проворчал Газиев. — Радист! Срочно передайте командиру отря-

да: «Замечен противник. Пять боевых кораблей. Следуют курсом норд-вест. Возможно блокирование прохода в минных полях. Иду на сближение».

Радист скрылся в своей клетушке.

— Дистанция? — спросил Газиев.

— Пятьдесят кабельтовых.

— Опасно оставаться на поверхности, — сказал я. — Могут обнаружить.

— Надо передать радио... — возразил Газиев.

Но в этот момент раздался голос сигнальщика:

— Воздух! Самолет справа по борту!

— Всем вниз! — скомандовал командир. — Срочное погружение!

Горохом скатились с мостика вахтенные. Захлопнулся люк.

— Разведчик, — тяжело дыша, произнес сигнальщик. — Прямо к нам идет.

Лодка пошла вниз.

Мы все спустились в центральный пост. Газиев спросил:

— Как радиограмма? Успели передать?

Из своей рубки вышел старшина Мигунов.

— Так точно. Но подтверждения получить не успел.

Газиев задумался.

— Разведчик сейчас над нами, — сказал он.

— Заметил нас?

— Не знаю. Но всплыть не удастся. — Командир посмотрел на меня. — Придется решать самим.

Повернулся к штурману.

— Наблюдайте за противником.

Вихров сменил командира у перископа.

— Боцман! — распорядился Газиев. — Срочно

в рубку старпома и всех командиров боевых частей!

— И парторга, — добавил я. — Старшину торпедистов мичмана Митрофанова.

Газиев кивнул.

— Есть!

— Погодите, — остановил боцмана Газиев. Покосившись на меня, сказал: — Пригласите также матроса Шухова...

33

Из вахтенного журнала подводной лодки «С-716»

6.25. Корабли противника продолжают идти на северо-запад. К ранее замеченным кораблям присоединились еще два сторожевика.

6.43. Эсминец и два сторожевика сделали поворот на 90 градусов. Остальные продолжают движение на север. Они входят в проход среди минных заграждений.

6.57. Эсминец и два сторожевика рассредоточиваются у прохода между минными полями. Остальные корабли противника скрылись за пределами видимости.

34

Дневник Сергея Самарина

13 февраля (продолжение). ... — Картина ясная, — сказал Газиев. — Это засада.

85

Сомнений не было. Командир оказался прав в своей догадке.

— Через два часа отряд будет здесь, — заметил старпом.

— Не позже.

— Надо успеть предупредить! — воскликнул командир третьей боевой части Сердюк.

— Надо, — согласился Газиев. — Обязательно надо. Что видно, штурман?

— Сторожевики идут малым ходом. Мы сближаемся. Эсминец тоже в пределах видимости.

— Шум винтов сторожевиков прямо по курсу! — подтвердил акустик. — Дистанция двадцать кабельтовых.

— Рукой подать... — прошептал кто-то.

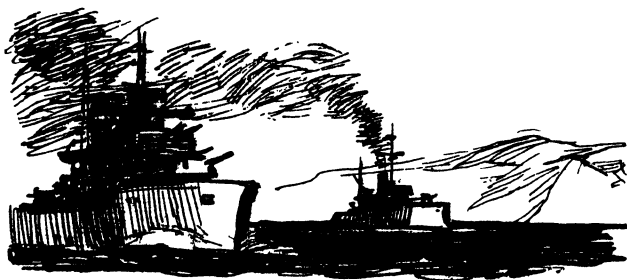
— Опустить перископ! — скомандовал Газиев.

— Нужно уходить, Фахри Мустафаевич, — взволнованно сказал старпом. — Пока не поздно. Нас могут обнаружить каждую секунду.

— Уйти не так просто, — заметил я. — Акустики немцев, вероятно, тоже сейчас не спят.

— Толчками! — возразил старпом. — Самым малым под стук их винтов. Пока не уйдем на безопасное расстояние... Уходить надо как можно скорей, Фахри Мустафаевич. Мы свою задачу выполнили.

— Вы так считаете? — Газиев напряженно думал о чем-то.

— Да, — твердо сказал старпом. — Надо успеть предупредить отряд. Иначе сами погибнем и других погубим.

— Все так думают?

Газиев обвел взглядом собравшихся.

— Нет! — голос командира БЧ-3 был еще звонче, чем обычно. — Я предлагаю ударить по главной цели — эсминцу. Он один в стороне от сторожевиков. Внести смятение в ряды противника и лишь потом отходить.

— Лихо! — фыркнул старпом. — И привести за собой на хвосте к отряду всю эскадру. Мальшичество!

Сердюк смутился. Газиев с интересом взглянул на старпома. Мне показалось, что у командира возникла какая-то новая мысль.

— Есть еще идеи? — спросил он.

Молодые командиры боевых частей и инженер-механик Богунов молчали. Я тоже не спешил всту-

пать в спор. Взгляд Газиева остановился на молчавшем до сих пор Шухове.

— Вы хотите что-нибудь сказать?

Константин Петрович поднял голову.

— Разрешите обратиться к старшему помощнику, товарищ капитан-лейтенант?

— Обращайтесь, — кивнул Газиев.

— Скажите, товарищ старший лейтенант, предположим, нам удастся скрытно оторваться от противника и соединиться с отрядом... А что дальше?

Старпом пожал плечами.

— Дальше решение примет командир отряда.

— Но как он поступит, по-вашему?

Старпом вспыхнул.

— Я не умею читать чужие мысли, товарищ Шухов!

— А все-таки, — вмешался Газиев. — Интересно, что решит командир отряда?

— Не знаю... — замялся старпом.

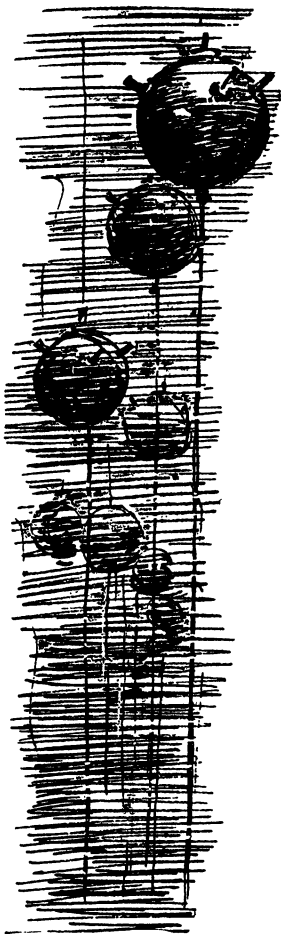
— А вы попытайтесь предположить, — настаивал Газиев. — Поставьте себя на его место. Что бы вы решили?

— Я? — Старпом задумался. — Я бы вернулся в ближайший порт союзников, — произнес он наконец. — Вызвал бы эскорт и продолжил путь на норд по более безопасному маршруту.

Газиев перевел взгляд на Шухова.

— У вас есть еще вопросы?

— Нет. Полагаю, что

решение товарища старшего лейтенанта наиболее правильное. Командир ни в коем случае не может рисковать всем отрядом. Замечу только, что путь до ближайшей базы союзников при такой близости противника далеко не безопасен. Это во-первых. А во-вторых, даже в случае удачи на возвращение в порт и все прочее, включая новый маршрут до Полярного, уйдет несколько недель. Полагаю, не менее трех-четырех.

Шухов замолчал.

— У вас все? — спросил Газиев.

Шухов хотел еще что-то сказать, но передумал.

— Так точно. Все.

Наступила пауза. Старший помощник молчал.

Газиев добрался взглядом до меня, зажатого в крохотном пространстве между штурманским столиком и перископом. Я сам выбрал себе это место по боевому расписанию. Отсюда можно было видеть все происходящее в рубке сразу.

— Ну, а что думает комиссар?

Видимо, это получилось случайно, но Газиев слово в слово повторил знаменитую фразу легендарного комдива из фильма «Чапаев».

Ответственность, которая ложится на плечи командира подводной лодки, огромна. Он один в такие минуты отвечает за судьбу всех людей, находящихся на корабле. Он один может отдать приказ, который или спасет, или погубит всех доверившихся ему: на подводных лодках редко удается уцелеть части команды. В случае неудачи погибают все.

Все совещание я неотрывно наблюдал за Газиевым и сейчас чувствовал, что командир больше

не нуждается в советах. Он взвесил и рассудил все сказанное здесь и готов отдать приказ, и мы должны безоговорочно выполнить его, каким бы он ни оказался. Хорошо зная Газиева, я предчувствовал, что это будет за приказ. Но, понимая всю опасность и невольно думая о том, что ждало меня, Шухова, Газиева, старпома, командира минеров, рулевых, акустиков — всех людей, шедших на нашей подлодке, где-то в глубине души страшась того, что должно было случиться, не мог не одобрить этот приказ.

Я улыбнулся.

— Мне кажется, командир уже принял решение, и я думаю, что оно правильное...

Это была тоже фраза из «Чапаева»: ответ коммиссара Фурманова комдиву. Все тихо рассмеялись. Так тихо, как будто нас мог услышать противник. Только Шухов остался по-прежнему замкнуто серьезным.

— Благодарю всех! — сказал Газиев. — По местам!

Рубка опустела. Командиры боевых частей разошлись по своим местам. Склонившись над штурманским столиком, Газиев что-то быстро писал.

— Радист!

На листке был набросан текст двух радиogramм. Первая почти повторяла уже переданную. «Замечен противник, блокирующий проход в минных полях. Пытаясь отвлечь, ухожу на ост. Газиев».

Вторая была очень краткой: «Веду бой. Газиев». Командир отдал листок.

— Передать шифром, в порядке очередности и

обстановки. Как только будет представляться возможность.

— Есть!

Мигунов скрылся.

— Акустик! Где эсминец?

— Пеленг двести семьдесят! Дистанция двенадцать кабельтовых.

— Поднять перископ! — скомандовал Газиев. — Курс... Средний вперед!. Опустить перископ!

Перископ нельзя долго держать над поверхностью. Не больше двух-трех секунд. А лучше всего уложиться в одну секунду. Газиев умел пользоваться перископом виртуозно.

— Справа по борту шум винтов сторожевика! — доложил акустик. — Идет курсом к нам.

— Услышали! — усмехнулся Газиев. — Полный вперед! Как эсминец?

— Идет прежним курсом!

— Самый полный вперед! Поднять перископ!

Газиев снова прильнул к окулярам.

— Опустить перископ!

Судя по лицу командира, то, что он увидел в перископ, не устраивало его.

— По корме шум винтов двух сторожевиков! — доложил акустик. — Идут прямо на нас!

— Они меня не интересуют, — отмахнулся Газиев. — Мне нужен эсминец!

— Идет прежним курсом!

Газиев задумался на секунду.

— Поднять перископ!

Матрос выполнил приказание. Газиев не опускал перископ пять... десять... пятнадцать секунд.

— Сторожевики приближаются! — доложил акустик. — Дистанция десять кабельтовых.

Газиев развернул перископ, чтобы взглянуть на преследователей, и снова вернул его в прежнее положение.

— Есть! — вырвалось у него.

— Эсминец меняет курс! — доложил акустик.

— Вижу, дорогой, вижу! — проговорил Газиев. — Хорошо идет... На нас!

Теперь я понял замысел командира. Он все-таки заставил сигнальщиков эсминца «заметить» бурун от нашего перископа.

Эсминец развернулся. Мы шли на встречных курсах.

— Опустить перископ!

— Сторожевики по корме. Дистанция восемь кабельтовых.

Акустик мог бы уже не докладывать этого. Мы ощущали шум винтов противника через корпус подлодки.

Но вот эти неприятные звуки стали ослабевать.

— Сторожевики меняют курс! — доложил акустик.

— Поднять перископ!

— Отходят, — пробормотал командир. — Ну что же, этого следовало ожидать.

Он повернул перископ в сторону эсминца.

Мы быстро сближались. Для подлодки нет ничего опасней торпедной атаки на встречных курсах. Подводная лодка встречается с несущимся прямо на нее эскадренным миноносцем. Надо иметь железные нервы, чтобы выдержать это сближение и в нужный момент послать торпеды во врага. При-

ближающийся эсминец в перископ кажется гигантским.

Теперь Газиев был предельно осторожен. Перископ подымался над поверхностью воды на одну-две секунды.

— Носовые аппараты — товсь!

Но дистанция была еще слишком велика для атаки.

— Точно держать курс!

Раздался взрыв. Корпус лодки трянуло. Снаряд, пущенный с эсминца, разорвался справа по борту и немного впереди. Второй лег за кормой.

Больше ждать было нельзя.

Газиев поймал в перекрест нитей перископа мачту эсминца. Рубанул воздух кулаком:

— Первый, второй аппараты — пли!

— Торпеды вышли! — прокричал старший торпедист.

В руке Газиева зажат секундомер. Секунда, две, три... пять...

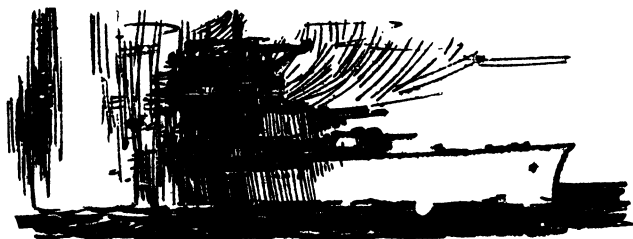
— Третий, четвертый аппараты — пли!

Сильный хлопок достиг боевой рубки.

— Торпеды вышли!

Секунды ожидания.

— Торпеды идут прямо! — докладывает акустик.

— Право руля! — командует Газиев. — Ныряй! Погружаемся на глубину сорок метров! Приготовиться к атаке лодки глубинными бомбами.

Лодка развернулась на восток и круто опустила нос. Все невольно откинулись назад. Со штурманского столика посыпались карандаши. Но никто не замечал происходящего. Мысли всех были прикованы к торпедам, вышедшим из носовых аппаратов. Газиев не отрывал глаз от секундомера. Гидроакустик замер у своей аппаратуры. Шум торпед становился все тише, зато грохот винтов приближающегося эсминца напоминал теперь раскаты грома.

И вдруг раздался взрыв... Вот она, музыка подводника!

— Есть! — воскликнул Газиев. — Точно!

— Торпеда попала в цель! — подтвердил акустик.

Мгновения. Новый взрыв. Вторая торпеда тоже точно угодила в цель.

— Шум винтов сторожевика справа по борту. Пеленг сорок! — доложил акустик.

— Спасать кинулся, — сказал Газиев. — Спешу, спешу...

— Второй сторожевик идет курсом напересечку нам!

В этот момент раздался третий взрыв. Лодку потрянуло даже на глубине. Своей силой этот взрыв намного превосходил два первых. Сомнений быть не могло — на тонущем эсминце взорвался боезапас.

Тут же раздались характерные взрывы глубинных бомб. Второй сторожевик начал бомбежку...

35

Из вахтенного журнала подводной лодки «С-716»

08.15. Шум винтов сторожевого судна за кормой.

08.20. Шум винтов прослушивается по пеленгу 130 градусов.

08.25. Разрывы глубинных бомб: восьми или девяти над лодкой и с обоих бортов. Повреждений нет.

08.45. Продолжаем идти курсом на ост. Еще одна серия глубинных бомб.

09.57. Обстановка без изменений. Повреждена электропроводка. Перешли на аварийное освещение.

10.11. Взрывы четырех глубинных бомб через малые интервалы. Аварийный свет в кормовой части погас. Продолжаем следовать на ост.

11.20. Прослушиваются шумы винтов второго

эсминца. Видимо, вернулся из прохода в минных полях.

11.35. Погрузились на предельную глубину. Дали малый ход.

11.40. Судя по шуму винтов, нас преследуют эсминец и три сторожевых корабля противника — практически вся эскадра, вышедшая наперехват нашего отряда.

11.49. Корабли противника циркулируют по кругу с центром примерно метрах в пятистах от нашего места. Интенсивная бомбежка глубинными бомбами.

36

Дневник Сергея Самарина

14 февраля ...Наш корабль напоминает свалку битого стекла, развороченных приборов, сорвавшихся с переборок вещей... Через впускной клапан дизельного отсека начинает просачиваться вода. Соляр хлещет через отверстие в трубопроводе. Ледяная вода тугими струями вырывается из пробитой системы охлаждения дизелей. В отсеках темно — отказывает даже аварийное освещение...

Но лодка жива! А главное, удался план Газиева. Вся эскадра противника преследует нас. Немцы сбиты с толку. Они никак не могут понять, почему мы не затихаем, а время от времени даем ход, пытаюсь прорваться за кольцо. Вероятно, гитлеровцы предполагают, что преследуют не одну, а несколько подводных лодок. Возможно, весь отряд. И методично отжимают нас к берегу, не давая пробиться на запад...

Штурман утверждает, что сейчас мы находимся в пятнадцати милях к востоку от прохода в минных полях. Путь для нашего отряда свободен. Надеемся, что наши товарищи уже далеко ушли на норд. Но взявшие «С-716» в кольцо суда противника вряд ли отпустят нас. Они идут за нами, как стая волков.

Пользуясь передышкой, на лодке исправляют повреждения. Все работы ведутся в полной тишине, чтобы ни один удар молотка или гаечного ключа не был услышан вражескими гидрофонами...

Фельдшер перевязывает раненых. Есть несколько серьезных ушибов. Шухов, поранивший голову, отказался оставить свой пост у горизонтальных рулей. Да и как было ему уйти? Сейчас требуется все его искусство, чтобы удержать лодку на нужной глубине...

Акустик выкрикнул, что слышит шум винтов. Все замерли без команды там, где их застиг этот возглас.

Шум винтов приближается... Сейчас вновь обрушатся бомбы...

37

Записка, лежавшая между страницами дневника Самарина

Оля!

Я не теряю надежды, но надо смотреть правде в глаза. Все мы отчетливо понимаем, на что идем.

Что бы ни случилось — знай, мы боролись до конца и сделали все, что могли. Если суждено нам

погибнуть — мы сумеем уйти из жизни как мужчины, как моряки, как советские люди...

Все эти дни ты была рядом со мной. Я не расставался с тобой ни на секунду даже в бою. Ты была со мной все бессонные ночи и долгие вахты во время похода.

Слишком редко я говорил тебе о своей любви и, должно быть, лишь теперь осознал до конца, что ты значишь для меня, какое место занимаешь ты в моей жизни. Мне хочется все время говорить тебе самые нежные, самые прекрасные слова, сделать все, чтобы ты ежесекундно ощущала мою любовь...

Эту записку я передам комиссару Сергею Самарину. Это верный, настоящий человек. Если сможет — он отыщет тебя.

Постарайся быть счастливой. Я знаю, это очень трудно, но постарайся. Я очень хочу, чтобы у тебя было много детей... Когда они подрастут, расскажи им обо мне...

Помни, я любил тебя, как никто, никогда, никого...

38

Дневник Сергея Самарина

15 февраля. Боюсь, что делаю последние записи в дневнике. Об этом никто не говорит, но думаю, что каждый в душе готовит сейчас себя к самому страшному. И ни одного спасовавшего перед опасностью. С гордостью смотрю на своих товарищей по походу.

Сейчас раннее утро. Над морем висит густой

туман, такой плотный, что его, кажется, можно попробовать на ощупь. Этот туман надежно нас прикрывает. Мы вновь получили недолгую передышку.

Всплыли на поверхность, подзарядили аккумуляторы, а главное, вдохнули свежего воздуха.

Последние часы пребывания под водой были невероятно тяжелыми. Мы задыхались. Только помогали машинки для регенерации воздуха.

Люди теряли сознание, а всплыть было невозможно. Кругом стоял кромешный ад. Немецкие корабли циркулировали вокруг нас и засыпали градом глубинных бомб. Старпом считал взрывы, перекладывая спички из кармана в карман. Ему не хватило двух коробков. Не знаю, как выдержали эту бомбежку наши акустики.

Океан превратился в кипящее месиво. А мы, пользуясь каждой возможностью, скрытно, толчками, под шум винтов противника меняли место и тут же вновь пытались контратаковать...

В разгар бомбежки попросил разрешения пройти в центральный пост лейтенант Сердюк. Появившись в нашем отсеке, он торопливо зашептал что-то на ухо Газиеву. (Мы все говорили шепотом, опасаясь даже слишком громким словом привлечь внимание акустиков врага.)

Газиев жестом подозвал меня.

— Послушай, что предлагает этот джигит... Повтори, Сердюк.

— Нельзя допустить, чтобы наша лодка попала в руки фашистам, — взволнованно зашептал минер.

Газиев нетерпеливо мотнул головой.

— Давай дальше...

— Я предлагаю заложить парочку подрывных патронов в запасную торпеду... И при необходимости...

— Понял? — спросил Газиев.

— Самоубийство не подвиг! — сказал я. — Драться надо до последнего.

— Но я предлагаю только на случай, — запротестовал Сердюк.

— Не будет случая! — резко оборвал Газиев. — Правильно комиссар сказал. Драться будем до последнего. Зубами гадам глотки грызть... Еще выкарабкаемся! Идите на свое место, лейтенант!

Минер вышел из отсека.

— Не знаю, как политически, — сказал мне Газиев в промежутке между двумя разрывами бомб, — но практически ты решил правильно.

— И политически тоже, — возразил я. — У людей нервы натянуты до предела. Подкинуть сейчас им мысль о возможном самоубийстве — преступление... — Я помолчал. — А патроны... Что же, патроны всегда положить успеем...

...Самое страшное случилось около 16 часов. В дизельном отсеке начался пожар: от короткого замыкания загорелась подстанция. Командир отделения мотористов Василий Каманин не растерялся, накинул на себя подвернувшийся полушубок и бросился в огонь. Он сумел выключить рубильник подстанции. Это спасло лодку. Но сбить пламя мотористам не удалось. Отсек заполнился едким дымом. Нельзя было дать распространиться дыму по лодке — атмосфера и без того была отравлена. Мы бы все задохнулись.

В машинном отделении были инженер-механик

Богунов, главный старшина Семенцов и мотористы. Газиев приказал им покинуть отсек и наглухо закрыть переборку. Он рассчитывал, что без доступа воздуха огонь сам загаснет.

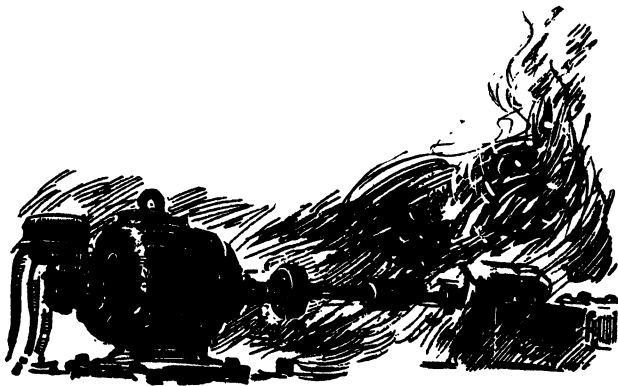
Командиру пришлось повторить приказ дважды, прежде чем мотористы ушли из дизельного отделения. Богунова вытащили без сознания.

Загерметизированный отсек рассек лодку. Пройти в кормовые помещения было невозможно. Связь с ними поддерживалась только по телефону...

Через час машинный отсек открыли. Богунов бросился туда с аварийной командой. Затухающее пламя удалось погасить. Сейчас мотористы приводят в порядок свое хозяйство после пожара...

Повреждений масса. Но нам удалось сохранить плавучесть, ход. Торпедные аппараты в порядке... Так что разговор еще далеко не окончен, пираты адмирала Редера!

Газиев только что отдал мне исписанный листок.

— Спрячь хорошенько, — сказал он. — Это для Ольги. Если что — передашь...

Я не стал спорить. Знаю, если останется жив Фахри, он то же самое сделает для меня — передаст этот дневник моей семье... Только кому? Где вы, мои родные? Что с вами сейчас?..

...Не забыть записать разговор с Шуховым, случившийся вчера, когда мы отлеживались на предельной глубине.

Мы с фельдшером обходили отсеки, перевязывали раны, раздавали сухой паек.

Бой боем, а аппетит у наших ребят не пропадает. Все, как волки, накинулись на галеты и консервы.

Шухов лежал на койке. У него был странный, отсутствующий взгляд.

— Константин Петрович! — тихо окликнул я.

Шухов не отозвался.

— Товарищ Шухов!

Он лежал неподвижно и смотрел как будто сквозь меня. Я тронул его за плечо. Слегка тряхнул.

— Костя!

Шухов встрепнулся. Взгляд его стал осмысленным. Но он тут же отвел глаза.

— Примите сухой паек! — с шутливой официальностью сказал я. — Подкрепляйтесь!

— Спасибо... — с трудом проговорил Шухов. — Я потом...

Он закрыл глаза. Я встревоженно присел на койку.

— Что с тобой?

— Ничего... Сейчас пройдет...

— Рана?

— Царапина... Пустое...

— Я позову фельдшера.

— Ни в коем случае.

Шухов с усилием поднялся, сел.

Постепенно менялось выражение его лица. Становилось привычно строгим, пожалуй, даже ожесточенным.

— Сорок лет назад, — криво усмехаясь, проговорил он, — на английских подводных лодках держали в клетках белых мышей... Когда у них портилось настроение, командир приказывал всплывать. Вот и я вроде белой мыши...

Шухов вынул из кармана пустой мундштук, засосал.

Я заглянул ему в глаза:

— В чем дело, Костя?

— Нервы... — Шухов снова усмехнулся. Пододвинулся вплотную ко мне и, не отводя взгляда, еле слышно произнес: — Ты никогда не тонул в подлодке, Сергей?

Я невольно вздрогнул. Мне приходилось слы-

шать об этом и раньше. О тяжелых психических нарушениях у подводников, переживших аварии. Часы, проведенные на дне моря в ожидании конца, не проходят даром. Некоторые после этого вообще никогда не смеют опуститься даже на самую малую глубину.

Я знал отличного парня, командира-подводника, храброго до отчаянности, совершавшего самые дерзкие походы... Однажды его лодка легла на дно на рейде, возле самого причала. Ее удалось поднять с помощью водолазов и плавучего крана. Люди остались живы. Но они пробыли на дне десять часов. Мой приятель был вынужден спускаться из подводного флота, перейти на берег...

Я понял, что испытывал бывший командир «Щ-612» во время похода. Какую надо было иметь силу воли, чтобы ни разу не выдать себя.

Когда я возвращался из кормовых отсеков, Шухова на койке уже не было. Я нашел его в центральном отсеке. Он спокойно стоял у горизонтальных рулей. Никто бы не мог даже подумать, что с ним было всего несколько минут назад...

...Туман рассеивается. Открылись просветы неба. Сигнальщики обеспокоенно оглядывают горизонт. Газиев стоит на корме. Там у рулей в ледяной воде возятся двое матросов в легководолазных костюмах.

— Воздух! — кричит сигнальщик.

Появились самолеты. Они ищут нас.

Быстро поднимаются на борт водолазы. Последний глоток свежего воздуха... Срочное погружение...

**Радиограмма командира гитлеровской
противолодочной эскадры
на базу в Стангер-фьорд**

Противник оказывает отчаянное сопротивление. Кроме погибшего в первый день эсминца, торпедировано сторожевое судно... Глубинными бомбами уничтожены по крайней мере две субмарины противника.

Продолжаем преследовать уходящие на остатки отряда подводных лодок.

Дневник Сергея Самарина

15 февраля (продолжение). ...Мы лежим на грунте вблизи от берега. Немцы все-таки прижали нас к материку. Газиев положил лодку на грунт, выключил двигатели, и враги на время потеряли нас. Но они не уходят. Нас настойчиво ищут. Мы слышим шум винтов над собой. В эти секунды все замирает...

Прошло 36 часов с момента встречи с противником. Думаю, что весь наш отряд сейчас уже миновал минные поля и идет полным ходом на норд...

Газиев и Вихров в рубке склонились над картой. Передышка не может продлиться долго — рано или поздно корабли противника обнаружат нас.

Командир настойчиво ищет выход. Лодка из-

ранена. В таком состоянии нам нечего и думать пытаться прорваться в открытое море. Нет шансов уйти от преследования и достичь ближайшего порта союзников. Надо найти что-то другое.

Можно дожидаться темноты, попробовать подойти вплотную к берегу, затопить лодку, взять личное оружие и превратиться в партизанский отряд. Но долго в чужой стране, в районе, кишасщем фашистскими базами и постами, в пешем строю не навоюешь. У нас нет ни карт, ни людей, знающих норвежский язык. На берегу неизбежна гибель в неравном бою. А быть может, и страшней того — плен...

Нет, такое решение нам не подходит. Лодка изранена, но еще боеспособна. Это грозное оружие в умелых руках. У нас остались торпеды, и можно еще немало попортить крови фашистам!

— В трех милях — Стангер-фьорд, — говорит штурман. — Там гитлеровская военно-морская база. Тут этой нечистью, наверное, каждый квадрат кишит... Осиное гнездо.

— Думаешь? — спрашивает Газиев.

Он хромает — тяжело расшиб ногу во время бомбежки. Фельдшер говорит, что перелома нет, но пошевелить ногой командир не может.

— Осиное гнездо, — задумчиво говорит Газиев.

Он нетороплив. Как будто разбирает задачу на учении. Командир повзрослел вдвое за последние тридцать шесть часов. Сейчас это человек, который не знает страха не в силу азарта юности, а потому, что он видел смерть, не раз прошел

рядом с ней и новая встреча уже не может испугать его.

— Осинное гнездо... — повторяет Газиев. — Вихров, тебя когда-нибудь осы кусали?

— Что-то не припомню, — улыбается штурман. — Я ведь москвич, на Арбате вырос. Там осы не водятся.

Сейчас все удивительно спокойны. Быстро, но без спешки исправляют повреждения. Шутят. Похоже, никто не думает о том, что произойдет в ближайшие часы. Не думают? А может быть, просто запрещают себе думать?

— А мне раз досталось, — смеется Газиев. — Ты в Дагестане не был?

— Нет.

— Ай, ай, ай! Большое упущение... Ты после войны обязательно приезжай.

— Спасибо.

— Благодарить потом будешь, когда приедешь. И ты, комиссар, приезжай.

— Я бывал в твоих краях.

— Все равно приезжай...

— Приеду, обязательно.

— У нас вокруг аула по горам леса буковые... Густые — не продерешься. А выше — альпийские поля. Такой красоты никто из вас не видал! Там весной цветы... Ах, какие цветы! Но меня в те времена красота их не очень интересовала. Там пчелы взятки богатый брали. Дикие пчелы. У них в лесу в дуплах улья. И там мед. Ай, какой мед! — Газиев даже зажмурился от сладких воспоминаний. — Мальчишками мы эти ульи здорово очи-

щать приладились. И вот присмотрел я как-то дупло. Полез на огромный бук...

Пожалуй, неспроста предался командир сейчас детским воспоминаниям. Рассказывает он вроде одному Вихрову, а слушают его все в рубке.

— Лез, лез, весь о суки ободрался, — продолжает Газиев, — а дупло, представляешь, осиным жильем оказалось. Их гнездо! Меда у них нет, а злости!.. Отделали они меня! Ой, бог ты мой! Домой приполз — родная мать не узнала...

Газиев смеется. Хохоцут все в рубке. Хохоцут от души, раскатисто, благо не слышно винтов противника. Не так смешон рассказ, но это естественная нервная разрядка после нечеловеческого напряжения последних суток. Я добавляю:

— На всю жизнь тебе, командир, была наука — не лезь за чужим добром!

Новый взрыв хохота. Улыбается даже Шухов.

Из переговорной трубы изумленный голос командира торпедистов:

— Центральный? Что случилось?

Газиев становится серьезным.

— Так вот, товарищи, — медленно произносит командир. — Боюсь, уроки детства мне впрок не пошли... Я все думаю, не потревожить ли нам еще одно осиное гнездо?

Его карандаш упирается на карте в Стангерфьорд.

Смех стихает. Мысль командира неожиданна, но это самое трудное и, безусловно, самое верное решение. Это максимум того, что мы можем сделать.

— Попробуем подобраться скрытно, — продолжает Газиев. — И устроить гитлеровцам маленький фейерверк.

— Но там наверняка мины у входа, — несмело возражает штурман. — Посты, дозоры...

— Не буду спорить! — говорит Газиев. У него снова отличное настроение. — Но хотел бы убедиться в этом лично! Проложите курс!

Это уже приказ.

Пока Вихров прокладывает курс, командир о чем-то сосредоточенно думает. Потом решительно пишет на чистом листке несколько слов. Размашисто подписывается и протягивает листок мне:

— Взгляни, комиссар!

Это радиограмма. В ней всего четыре слова: «Погибаю, но не сдаюсь».

Под текстом рядом с подписью командира оставлен пробел.

— Подпиши, комиссар, — негромко говорит Газиев.

Я подписываю...

41

Из показаний командира
сигнально-наблюдательного поста на острове
Луобон у входа в гавань Стангер-фьорда

Пятнадцатого февраля в девятнадцать часов
семь минут мимо сигнально-наблюдательного по-

ста на базу проследовал танкер «Рейланд», ответивший на запрошенные позывные.

В девятнадцать часов тринадцать минут на подходах к базе появилась подводная лодка, шедшая в надводном положении тем же курсом, что и танкер. Сигнальщик Ганс Кальтофен запросил позывные корабля. С лодки тут же ответил ратьером, но сигнальщик не разобрал ответа. Кальтофен запросил подводную лодку вторично и вновь получил ответ, которого не понял. Однако, предполагая, что так открыто могла идти на базу лишь наша, возвращающаяся с задания подводная лодка, сигнальщик не счел нужным доложить о странных ответах корабля. За подобное грубейшее нарушение инструкции сигнальщик Ганс Кальтофен должен, несомненно, понести самое серьезное наказание...

Из показаний дежурного наблюдательного поста на рейде гавани Стангер-фьорда

В девятнадцать часов семнадцать минут на рейде показалась подводная лодка, полным ходом идущая к месту стоянки кораблей. На ходовом мостике подлодки отчетливо были видны фигуры людей. Я запросил позывные лодки. Ответ ратьером был дан немедленно. Однако я не сумел разобрать его. Лодка полным ходом миновала пост. Поскольку лодка уже прошла мимо сигнально-наблюдательного поста на острове Луобон, я не счел нужным подымать тревогу, однако сообщил по телефону о случившемся на береговой наблюдательный пост базы...

Из показаний дежурного берегового наблюдательного поста штаба военно-морской базы в Стангер-фьорде

В девятнадцать часов двадцать минут наблюдатель на рейде сообщил мне о том, что не разобрал позывных подводной лодки, проследовавшей в гавань. Указанная лодка в это время уже появилась на внутреннем рейде. Я немедленно затребовал ее позывные. Полученный ответ оказался и для меня непонятным. Я потребовал срочно повторить позывные. Одновременно дал сигнал общей тревоги.

Спустя несколько секунд у причала раздался мощный взрыв...

44

Дневник Сергея Самарина

15 февраля (продолжение). У пролива, ведущего в фьорд, ходил курсом, параллельным берегу, сторожевой корабль. Мы затаились на перископной глубине и терпеливо ждали, пока какой-нибудь случай укажет нам проход в минных полях. Ждать пришлось не очень долго. Здесь, видимо, действительно «кишели» корабли немцев. Вскоре на севере показался направляющийся в порт танкер. Чувствовали себя здесь немцы вольготно, хозяевами. Танкер шел без всякого охранения. В десяти кабельтовых от нас судно изменило курс и пошло на ост.

Трудно было предположить, что на танкере есть гидроакустическая аппаратура. Мы двинулись за ним.

Мы шли под перископом, тщательно повторяя все маневры танкера. Немецкое судно поравнялось с островом, лежащим у входа в фьорд. В перископ было видно, как корабль запросили с наблюдательного поста, расположенного на острове, ратьером. Темнело. Вспыхнувший прожектор тщательно осматривал узкое горло пролива.

Вряд ли можно было даже под перископом проникнуть в бухту незамеченными.

Газиев выждал, пока сторожевой корабль ушел

на север, и еще раз поднял перископ. Секунду раздумывал и решительно приказал:

— Всплывать!..

...Мы шли в надводном положении средним ходом, не скрываясь, так, как если бы возвращались из похода на свою базу.

На мостике стояли мы с Газиевым, Шухов у руля и сигнальщики.

Танкер уже почти скрылся из виду. Мы шли как бы по его следу. Все ближе был яркий луч прожектора, пересекающий пролив. Впрочем, и без прожектора было еще достаточно светло, чтобы разглядеть длинный корпус нашей подлодки.

— На острове наблюдательный пост! — предупредил сигнальщик Блинов.

— Знаю, — негромко уронил Газиев.

И тут же на острове вспыхнул острый луч ратьера.

— Сигнальный фонарь! — воскликнул я. — Нас заметили!

— Отвечать, товарищ командир? — спросил сигнальщик.

— Конечно!

— Что?!

— Ответь... — Газиев секунду помедлил. — Ответь: «Ищу эскадру. Покажите место». Быстрей!

— Есть!

Блинов стремительно замигал ратьером.

Пост на острове несколько мгновений молчал. Очевидно, наблюдатель тщетно пытался разгадать странный сигнал. Затем ратьер с острова замигал вновь.

— Просят повторить! — возбужденно «перевел» Блинов.

— Уважь хозяев! Повтори!

— Есть!

Наклонившись к переговорной трубе, Газиев скомандовал:

— Полный вперед!

Мы вошли в залив. Мы были в самом логове врага, в подлинном осином гнезде.

— Товарищ командир! Запрашивает наблюдатель на рейде! — доложил сигнальщик.

— Ответьте: «Нужен врач. На борту эпидемия». Сам соображай, действуй быстрее! — Газиев снова склонился к переговорной трубе. — Вперед самый полный! Все, что можно! Носовые аппараты — товсь!

Мы влетели на внутренний рейд. Еще секунда, другая, и немцы должны были опомниться...

Впереди у причалов стояли корабли. Тральщики, сторожевики. Два эсминца. Подходил к причалу транспорт, послуживший нам проводником. А чуть дальше у пирса возвышался затянутый переплетом маскировочных сетей от налетов авиации громадный тяжелый крейсер.

— Право руля! — скомандовал Газиев. — Стоп! Так держаты!

Шухов развернул лодку. Мы шли прямо к крейсеру.

— Запрашивают с берега! — выкрикнул сигнальщик.

— Ответь! — Газиев сжал кулаки. — «Смерть фашистским гадам!»

— Есть!

Крейсер стремительно приближался.

— Залп!!!

Вздрогнула лодка. Прочерчивая четкий след в темной воде, вылетели четыре торпеды. Не было нужды скрывать их — крейсер не мог увернуться от удара. Он надежно стоял у причала.

Над гаванью завыл отчаянный сигнал сирены. Появились стремительно бегущие по палубам кораблей команды. Срывались чехлы с орудий. Их стволы разворачивались в нашу сторону. Забили крупнокалиберные пулеметы.

Двойной взрыв потряс порт.

— Срочное погружение! — скомандовал Газиев.

Сбегая с мостика, мы еще успели увидеть, как

накренился огромный борт крейсера. Рядом ярким пламенем вспыхнул танкер, только что пришедший в порт. В него попала одна из торпед. Пламя было ярко-оранжевым. Танкер, видимо, доставил в порт авиационный бензин.

Ослепительный оранжевый факел высотой метров в двести пятьдесят взметнулся над заливом...

**Из вахтенного журнала
подводной лодки «С-716»**

19.23. Срочное погружение.

19.24. Сильный удар носовой частью лодки о грунт. Вероятно, наткнулись на подводную скалу.

19.26. В шахте от удара разошлись швы. Во второй отсек просачивается вода.

19.27. Аварийная тревога.

19.31. Во второй отсек хлынула вода. Переборочные двери задраены. Люди в отсеке остались на местах. Ведут борьбу с поступающей водой.

19.33. Шум винтов сторожевика над нами.

19.37. Вода продолжает поступать во второй отсек. Лодка проваливается на глубину.

19.40. Продули уравнительную цистерну. Корабль продолжает погружаться.

19.42. Дали воздушный пузырь в носовую группу. Положили горизонтальные рули на всплытие. Лодка по-прежнему погружается.

19.43. Шесть разрывов глубинных бомб в непосредственной близости от корабля. Погас свет. Перешли на аварийное освещение.

19.45. Еще несколько разрывов глубинных бомб.

19.48. Командир приказал самым малым подвести лодку к причалу. Вряд ли немцы будут нас там искать.

19.55. Подошли к пирсу. Шумы винтов катеров. Видимо, на поверхности спасают команды торпедированных нами кораблей.

19.57. Разрывы бомб за кормой.

19.59. Легли на грунт. Команда второго отсека пытается заделать щели в шахте. Пущены в ход все водоотливные средства.

20.15. Несмотря на все принятые меры, вода продолжает поступать в отсек. По сообщению старшины отсека, она поднялась выше второго яруса коек.

20.20. Положение во втором отсеке критическое. Люди там на краю гибели.

20.25. Командир БЧ-3 лейтенант Сердюк, находящийся в первом отсеке, просит разрешения открыть переборку и помочь товарищам в соседнем отсеке.

20.27. Командир разрешил лейтенанту Сердюку и торпедистам войти во второй отсек.

20.30. Открыли дверь переборки. Воду перепускают в первый отсек и откачивают за борт. Аварийные работы возглавил лейтенант Сердюк.

20.45. Командир приказал загерметизировать оба отсека и создать в них противодавление, чтобы не допустить дальнейшего поступление воды в лодку.

20.50. Клапан аварийного осушения оказался засоренным. Работу приходится вести под водой.

20.57. Пытаясь открыть клапан, погиб старшина торпедистов парторг лодки мичман Митрофанов. Он случайно под водой коснулся гаечным ключом отсечной подстанции.

20.59. Командир приказал снять электропитание первого и второго отсеков.

Работы в аварийных отсеках продолжаются в полной темноте.

21.04. Шум винтов сторожевика. Работы временно прекращены.

21.09. Сторожевик ушел.

21.17. Лейтенант Сердюк доложил, что удалось открыть клапан. В отсек дали сжатый воздух.

21.25. Уровень воды в аварийных отсеках понижается.

21.28. Аварийная тревога в третьем отсеке. Вода из второго отсека по трубе вентиляции хлынула сюда. Грозит залить аккумуляторные батареи.

21.35. Старшине второй статьи Кулагину и матросу Шамакову удалось заглушить трубу.

21.39. Разрывы двух глубинных бомб по корме.

21.45. Аварийная тревога в пятом отсеке. В магистраль низкого давления выбило пробку. Быстро поступает вода.

21.50. Авария в пятом отсеке ликвидирована благодаря быстрым и смелым действиям старшего матроса Лаврикова.

21.52. Разрывы глубинных бомб приблизились к нашему месту. Все работы на лодке прекращены.

21.59. Глубинные бомбы рвутся в непосредственной близости от нас.

22.05. Взрывы глубинных бомб грозят разрушить корпус подлодки...

46

Дневник Сергея Самарина

15 февраля (продолжение). ...Не знаю, прочтут ли когда-нибудь эти строки. Но я решил записывать все до последней минуты, до последнего мгно-

вения. Если есть хоть один шанс из миллиона, что люди когда-нибудь узнают о моих товарищах по походу, об их подвиге, то я обязан сделать все, чтобы воспользоваться этим единственным шансом. Это мой долг.

Нет уже больше с нами Петра Сергеевича Митрофанова, нашего парторга, самого старшего по возрасту человека на корабле, старого коммуниста, на которого я мог положиться в любую минуту.

С огромным трудом нам удалось ликвидировать аварию во втором отсеке. Молодцом показал себя Вася Сердюк. Какая воля и выдержка оказались у этого юноши!

Но положение наше снова стало отчаянным. Глубинные бомбы рвались у самой подлодки. Я думаю, только то, что мы лежали на грунте у самого пирса и немцы боялись разрушить собственные причалы, спасло нас от гибели. Не было сомнений, что врагу отлично известно наше местонахождение, но чем мы выдали себя?

Газиев предположил, что на поверхности воды появилось масляное пятно. Где-нибудь просачивается соляр. Механик доложил, что от близких взрывов бомб нарушилась герметичность топливных цистерн. Соляр всплыл на поверхность, и масляное пятно ясно обозначило место нашей лодки.

Оставаться дольше на грунте было невозможно.

— Нужно уходить, товарищ командир! — взволнованно произнес старпом. — Немедленно. Скрытно, самым малым. Попытаться выбраться отсюда.

Газиев покачал головой.

— Нам не дадут дойти даже до внешнего рейда. Масляный след потянется за нами. — Командир помолчал. — Я считаю, выход один — всплыть!

— Всплыть? Здесь, среди врагов?!

— Да. Именно здесь. У нас один путь к спасению: внезапность. Необычность маневра. Судя по шуму винтов, нас бомбят сторожевики. Крупных кораблей рядом нет. Неожиданно всплыть и вступить в артиллерийский бой! Не дать противнику опомниться и попытаться прорваться в надводном положении к выходу из бухты. Проход в минном заграждении мы знаем...

...Сейчас, записывая эти строки, я думаю, какой великолепный командир подводного флота должен был получиться из Газиева. Если существует вообще талант военачальника, то этим талантом был щедро одарен наш командир. Никакой схемы, мужество, помноженное на дерзкий расчет, неожиданные, присущие только ему решения...

Газиев повернулся ко мне.

— Согласен, комиссар?

— Другого выхода нет, — сказал я. — Здесь, на дне, нам все равно конец.

Старпом пытался еще что-то возразить, но командир резко оборвал его:

— Дать артиллерийскую тревогу! Срочно в центральный пост орудийные расчеты!

Через несколько мгновений артиллеристы были в центральном посту. От боевой рубки до зарядного погреба выстроилась цепочка подносчиков снаря-

дов. Надо было действовать стремительно, пытаюсь ошеломить противника.

Лейтенант Сердюк по указаниям акустика дал командирам расчетов примерные исходные данные для открытия огня.

— Продуть главный балласт! — приказал Газиев.

Лодка качнулась и пошла вверх.

Артиллеристы во главе с Газиевым столпились у рубочного люка. Командир, казалось, совсем забыл о своей разбитой ноге.

Со снарядами в руках стояли подносчики: моторист Никонов, электрик Плетнев, трюмный Сташинский и наш кок Цыбуля.

Лодка стремительно вылетела на поверхность. Газиев мгновенно отдраил люк. Ждать, пока уравняются давления, было невозможно. Воздух лодки выбросил командира на мостик. Газиев едва удержался за поручни, чтобы не перелететь за борт.

Комендоры в одно мгновение оказались на верхней палубе.

Лодка всплыла с некоторым дифферентом на нос. Когда я выскочил на мостик, вода еще захлестывала нос лодки и сбегала с кормы, а стволы орудий уже разворачивались в сторону сторожевиков.

Сердюк предельно быстро подавал команды.

— Кормовое орудие к бою готово! — доложил расчет.

— Огонь!

Рявкнуло кормовое орудие. Забили пулеметы.

Газиев разворачивал лодку.

— Носовое орудие к бою готово!

— Огонь!

Расчеты работали, как никогда. Подносчики едва успевали подавать снаряды.

Гитлеровцы не сразу опомнились от неожиданности. Мы успели пристреляться, пока со сторожевиков открыли беспорядочный огонь из орудий и крупнокалиберных пулеметов.

Пули зашелкали по легкому корпусу лодки. Осколок снаряда сбил защелку рукоятки замка кормового орудия. Упал, обливаясь кровью, командир расчета Чугунов.

Но в этот момент снаряд, пущенный из носового орудия, попал точно в корму сторожевика, загораживающего нам выход из гавани. Взметнулся столб воды и пламени — на сторожевике взорвались глубинные бомбы, предназначенные для нас.

Вспыхнул пожар на одном из катеров. Люди с него прыгали в воду.

Путь к выходу был свободен.

— Полный вперед! — командовал Газиев.

Уцелевшее орудие и пулеметы вели бешеный огонь, не давая катерам приблизиться к нам. Пламя пожара освещало суету у причала. Метались катера и шлюпки, подбирая людей.

Газиев склонился к переговорной трубе.

— Кормовые — товсь!

Там, в корме корабля, замерли торпедисты.

— Всеми аппаратами — пли!

Залп бросил лодку вперед. Невидимые в темноте торпеды помчались к берегу. Через несколько секунд новый мощный взрыв потряс бухту. Заряд четырех торпед всей своей чудовищной силой обрушился на причал и мечущиеся возле него корабли.

Зарево пожара подымалось все выше. В порту началась паника. Мы уходили все дальше.

— Механик! — крикнул Газиев. — Дай все, что можно!

...Опасность возникла неожиданно. Мы уже миновали внешний рейд, когда из темноты вынырнул силуэт эсминца. Он шел в порт. Быть может, это был тот самый эсминец, что поджидал два дня назад наш отряд у прохода между минных полей.

Корабль шел полным ходом прямо на нас. Мы были безоружны против него — в носовых аппаратах уже не было торпед.

Газиев побелел. Судорожно стиснул руками поручни.

Эсминец приближался, не открывая орудийного огня. При перелете его снаряды могли попасть в свои корабли на рейде.

С эсминца ударили крупнокалиберные пулеметы. Забило автоматическое зенитное орудие. Снаряды изрешетили ограждение рубки.

На корме как подкошенный рухнул лейтенант Сердюк. Я бросился было к нему, но Газиев вдруг без крика разжал руки и осел на палубу. Я едва успел подхватить его.

— Фахри! Что с тобой?

Газиев молчал.

Эскадренный миноносец мчался прямо на нас и не было никакой надежды уклониться от его беспощадного стального форштевня.

Газиев открыл глаза.

— Все вниз! — задыхаясь, проговорил он. — Погружайтесь! Быстро! Комендоры, вниз!

Капитан-лейтенант через силу выпрямился. Крикнул в переговорную трубу:

— Срочное погружение!

Комендоры бросились к люку. Сердюк лежал убитый у кормового орудия.

Я потащил Газиева вниз. Он сам не мог идти. Ноги его не слушались.

— Оставь! — крикнул командир.

— Ты сошел с ума!

— Оставь! Всех погубить хочешь?!

В люке скрывался последний комендор.

— Погружайтесь без меня! Слышишь? Приказываю!

С неожиданной силой Газиев вырвался и оттолкнул меня.

Пролетев через ступеньки трапа, я упал у само-

го люка. Чьи-то руки подхватили меня и втащили вниз.

Люк захлопнулся.

Лодка стремительно уходила в глубину. В следующее мгновение страшный удар по рубке потряс наш корабль. Наступила темнота.

Кто-то крикнул:

— В третьем отсеке вода!..

47

Из вахтенного журнала подводной лодки «С-716»

22.40. Смертью героя погиб командир подводной лодки капитан-лейтенант Газиев Фахри Мустафеевич...

48

Дневник Сергея Самарина

15 февраля (продолжение). ...Тишина. Удивительная тишина. Даже стих шум винтов над головой. Только акустики докладывают о передвижении немецких судов в гавани. Почему-то нас не бомбят. Странная, настораживающая тишина.

Удар эсминца разворотил боевую рубку. Нам удалось заделать пробоину. Мы наглухо закрыли люк, ведущий из рубки в центральный пост. Лодка лежит на грунте. У нас нет больше торпед. Одно из орудий разбито. Мы не можем всплыть безоружные и не рискуем идти под водой. Но почему же нас не бомбят?!

Едва мы ликвидировали пробойну и легли на грунт, как в центральном посту собрались командиры боевых частей и старшины. Трудно было представить, что с нами нет больше Фахри Газиева. Но лодка не могла оставаться без командира.

Старший помощник был тяжело контужен. Нервный тик подергивал его щеку. Он не мог говорить и объяснялся знаками. В таком состоянии старпом не мог принять командование. К тому же каждый из нас хорошо понимал: старпом был честный, добросовестный человек, но не тот, кто мог возглавить экипаж корабля в этот смертный час, да еще в таком состоянии.

Командиры боевых частей, исключая инженер-механика, слишком молоды. Однако дело было не только в их возрасте. Думаю, каждый из собравшихся в центральном посту знал, что среди экипажа подлодки есть человек, который по праву должен сейчас занять место убитого командира.

Я первый назвал его имя: Константин Шухов.

Никто из командиров не возражал. Авторитет Шухова всегда был высок, а своим поведением во

время боя он заслужил двойное уважение всего экипажа.

Я попросил боцмана пригласить в центральный отсек Шухова. Он был у кормовых рулей.

Шухов вошел с перевязанной головой, вытирая концами перепачканные маслом руки. Все выпрямилось при его появлении. Поднялся с разnojки даже контуженый старпом.

Шухов пристально взглянул на нас.

— Константин Петрович! — сказал я. — Как заместитель погибшего командира лодки и политический руководитель экипажа, я предлагаю вам вступить в командование кораблем.

Шухов неторопливо вытер руки. Отбросил концы. Лицо его было спокойное.

— С этим предложением согласны все? — спросил он.

— Все! — ответил за остальных штурман Вихров.

— Хорошо.

Шухов подошел к штурманскому столику, взял лист чистой бумаги. Быстро, не присаживаясь, набросал несколько строк.

Мы ждали. Вероятно, Шухов отдавал первый приказ по кораблю. Несколько неожиданное проявление пунктуальности в такой момент.

Шухов разогнулся, протянул мне листок. Вот что было написано на нем:

«В парторганизацию П. Л. «С-716»
Шухова К. П.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В этот ответственный для судьбы нашего корабля и команды час прошу коммунистов подлод-

ки восстановить меня в рядах нашей родной партии. Не считаю возможным принять командование кораблем беспартийным. Прошу верить, что я всегда был и оставался коммунистом.

Константин Шухов».

Я протянул руку Шухову. Он отстранился.

— Погоди. Я хочу, чтобы все было по Уставу.

И уже тоном командира сказал собравшимся в центральном посту:

— Прошу всех разойтись по своим местам. Боевая готовность номер один.

...Нас все еще не бомбят. Что замышляет враг? Чего он ждет? Я провел партсобрание. Наверное, это было самое необычное открытое партсобрание в мире. Все люди были на своих боевых постах. Соблюдалась полная тишина. Чтобы не привлечь внимания акустиков врага, мы даже не включали машинки для регенерации воздуха. Между собой говорили едва слышным шепотом.

Я обошел отсеки. Все — с первого по седьмой. В каждом на вахте был кто-нибудь из наших коммунистов. И в каждом отсеке я шепотом зачитывал заявление Константина Шухова.

Это заявление внимательно слушали не только члены партии, но и все находившиеся в отсеке.

В тишине голосовали коммунисты.

— За!

— За!

— За!

Я вернулся в центральный пост. Шухов повернулся ко мне. Руки его едва заметно вздрагивали.

— Поздравляю, Константин Петрович! — Я обнял старого друга.

**Протокол открытого собрания
парторганизации подводной лодки «С-716»**

15 февраля 1943 г.

С л у ш а л и: Заявление тов. Шухова К. П. о восстановлении в рядах ВКП(б).

П о с т а н о в и л и: Учитывая мужество, проявленное тов. Шуховым в бою с врагом, его выдержку, смелость, преданность Родине, восстановить тов. Шухова К. П. в рядах Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

Постановление принято единогласно.

**Из вахтенного журнала
подводной лодки «С-716»**

23.15. Вступил в командование кораблем.
К. Шухов.

Дневник Сергея Самарина

15 февраля (продолжение). ...Нас все еще не бомбят. Но это ожидание хуже любой бомбежки. В лодке тяжело дышать. Кончаются патроны регенерации. Мы больше не можем очищать воздух. Мучает одышка. Свинцом наливается голова. Кровь стучит в висках. Каждое движение требует невероятных усилий. Хочется только лечь. Лечь и заснуть...

...Положение отчаянное. Сквозь пробоины в лодку проникает вода. Тревожные сообщения идут из первого и второго отсеков. Хуже всего, что вода начала поступать в центральный пост. Уже залила палубу...

...Шухов приказал высыпать известь из последних патронов регенерации на настил. Известь мгновенно становится горячей. Такая бурная реакция идет с углекислотой...

...Акустики докладывают о шуме винтов. Дозорный корабль кружит над нами. Готовимся к новой бомбежке...

...Шум винтов смолк. Корабль стоит прямо над нами. Но нас по-прежнему не бомбят...

...Акустики сообщают о новых странных звуках, появившихся в воде. Никак не могут определить их природу. Лодка замерла. Никто не разговаривает, даже шепотом. Только докладывают акустики.

...Отчетливые металлические удары по корпусу. Размеренные, одинаковые по силе. Что это значит?..

...Все стало ясным. К нам спустились водолазы. Судя по звукам шагов на верхней палубе, их двое. Они стучат по корпусу в районе центрального поста молотком или гаечным ключом. Что они собираются делать?

...Радист Мигунов говорит, что водолазы выступают морзянку. По-английски. Виктор переводит.

«Ваше положение безнадежно... Командование базы предлагает всплыть... Почетный плен... Медицинская помощь... В противном случае начнем бомбежку... Срок — 20 минут...»

«Морзянка» ненадолго затихла. После небольшого перерыва водолазы вновь застучали ближе

к корме. Текст прежний. Только в конце после срока ультиматума добавлено: «Матросы, спасайте свою жизнь... Не слушайте приказов командиров...»

...Водолазов больше не слышно, — видимо, пошли наверх.

Времени в обрез. Мы с Шуховым не считаем возможным скрыть от товарищей ультиматум врага.

Я предложил Шухову обратиться к команде, а затем принять решение. Командир согласился. В полный голос: «Таиться больше нечего, наше место известно немцам», — он обратился к экипажу по переговорной системе.

Вот его короткая речь:

— Товарищи! Только что вы слышали ультиматум фашистов. Они предлагают нам всплыть и

сдаться в плен. В этом случае они обещают нам сохранить жизнь. Подумайте. Вырваться из гавани мы не можем. У нас есть два выхода: принять предложение врага или умереть в бою. Прошу каждый отсек сообщить мне свое решение. У нас есть еще несколько минут. Прошу докладывать в порядке очередности отсеков...

Шухов умолкает. Пауза. Затем глухой голос из переговорного устройства:

— Первый отсек к бою готов!

Снова пауза. Мы ждем. В центральном посту тишина.

— Докладывает старшина Оноприенко: второй отсек к бою готов!

Дальше следует один доклад за другим:

— Третий отсек к бою готов!

Узнаю голос нашего комсорга Гены Блинова.
— Раненые в пятом отсеке просят считать их в строю!

Это докладывает военфельдшер.

— Мотористы к бою готовы!

Хриплый басок механика Богунова.

— Минеры к бою готовы!

Голос торпедиста, заменившего Сердюка.

У меня невольно навертываются слезы на глаза.

— Спасибо, товарищи! — говорит Шухов. Голос его непривычно звонок. — Мы с замполитом не ожидали другого ответа. Прошу всех выполнить свой долг до конца...

Командир поворачивается к акустику.

— Какие корабли над нами?

— Прямо на поверхности сторожевик...

— Дальше.

— Справа по борту катера...

— Дальше.

— Слева по борту эсминец. Пеленг сорок.

— Дистанция?

— Два кабельтова.

— Внимание! — говорит Шухов. — Всем находящимся в первых трех отсеках немедленно перейти в кормовые помещения. Задраить все переборки...

Через центральный пост потянулись люди из первых отсеков. Лица их хмуры, но спокойны. Без слов, жестами прощались они с теми, кто оставался в центральном посту.

— Сергей, — говорит мне Шухов. — Я, естественно, остаюсь здесь. Ты иди к команде. В кормовой отсек... — Он чуть медлит и твердо заканчивает: — Мы идем на таран.

— Понимаю.

— Погоди. Пройдем со мной.

Мы с Шуховым заходим в командирскую каюту. На стене над койкой висит кинжал в серебряной оправе — подарок Газиеву от деда, когда наш командир уезжал из родного аула. На столе фотография молодой женщины — жены Газиева.

— У тебя есть ключ от сейфа? — спрашивает Шухов.

Я вынимаю ключ, отдаю новому командиру. Шухов открывает сейф, достает секретные документы, приказы, карты.

— Возьми, — говорит он. — Это все надо сжечь. Я уже не успею. Придется тебе...

Подумав, он кладет на стопку документов фотографию жены капитан-лейтенанта.

— Да... Еще журнал!

Мы возвращаемся в центральный пост. Шухов открывает чистую страницу журнала. Смотрит на часы. Быстро делает запись. Захлопнув журнал, отдает его мне.

— Все. Идите!

Я хочу обнять командира, попрощаться, но Шухов уже отдает приказ:

— Продуть главный балласт! Акустик! Пеленги давать с максимальной точностью!..

52

**Последняя запись в вахтенном журнале
подводной лодки «С-716»**

16 февраля
6.39.

Идем на таран. Цель — вражеский эсминец.

**Последняя страница
дневника Сергея Самарина**

...Я в кормовом отсеке. За переборкой рокочут электродвигатели. Все заняты своим делом. Очень спокойны.

Передо мной на металлической палубе горит стопка документов...

...Лодка всплывает. Мы разворачиваемся.

Голос Шухова:

— Так держать! В моторном! Вперед, самый полный!..

Прощайте, родные!..

Помните...

**Радиограмма отряда разведчиков, действовавшего
в оккупированной гитлеровцами Норвегии.**

**Передана 18 февраля 1943 года радисткой отряда
Ольгой Свиридовой**

...По сведениям, поступающим из южных районов страны, два дня назад в военно-морской базе гитлеровцев в Стангер-фьорде произошли крупные взрывы. Зарево пожара было видно за многие километры. В порту слышалась артиллерийская и пулеметная стрельба.

Полагаю, что в Стангер-фьорде имел место крупный диверсионный акт местных патриотов, совпавший с налетом авиации союзников...

**Из донесения командира
военно-морской базы Стангер-фьорда**

16 февраля 1943 года.

...В результате проникновения в базу 15 февраля подводной лодки противника получил серьезные повреждения тяжелый крейсер.

Потоплены один эсминец, сторожевой корабль, катер и танкер «Рейнланд». Торпедным залпом разрушена значительная часть причала.

Всего за два дня боев с подводными силами противника наши потери составляют пять боевых кораблей и один танкер.

Материальный ущерб, причиненный базе в результате пожара, еще полностью не определен...

**Из рапорта командира отряда подводных лодок
капитана первого ранга Томашевского**

Март 1943 года.

9 марта сего года отряд в составе подводных лодок «С-711», «С-712», «С-713», «С-714» и «С-715» прибыл на базу Северного флота в Полярное.

**Письмо Ольги Свиридовой,
оставшееся неотосланным адресату**

Июнь 1943 года.

...Каждый день над заливом гремят оружейные выстрелы — это салютуют подводные лодки, воз-

вращаясь с победой... На пирсе их ждут друзья. И днем и ночью, в любую непогоду командир, оказавшийся в этот час на берегу, покинет свой дом и выйдет встретить товарища, принять у причала швартовы его корабля.

А рядом с командирами на пирсе стоят жены. Для них тоже нет ни ночей, ни туманов, ни метелей. Они ждут своих мужей. Они охраняют их своей любовью...

Я тоже прихожу на пирс. Ко мне привыкли, и никто уже не спрашивает, почему я здесь... Я жду... Я верю...

На серых скалах вокруг города уже сошел снег и лежит зеленый мох... Никто не может сказать мне, где искать тебя. Но я все равно каждый день прихожу на пирс. Прихожу потому, что без тебя бессмысленно это полярное лето, бессмысленно уходящее время, бессмысленна моя жизнь. Ты не мог уйти так... Я не верю... Тебя должна была оградить моя любовь... Она все время идет рядом с тобой, и ты не можешь не отозваться на нее...

Над гаванью снова гремят орудийные выстрелы...

58

Сообщение Агентства печати «Новости»

25 мая 196... г.

Мы уже сообщали о затонувшей советской подлодке, обнаруженной в гавани Стангер-фьорда.

Вчера советскому военно-морскому атташе в торжественной обстановке были переданы документы героически погибших моряков, найденные на подводной лодке «С-716».

Среди них несколько полуобгоревших страниц вахтенного журнала и дневник замполита лодки старшего политрука Сергея Самарина.

В радиорубке корабля среди сожженных бланков найден случайно уцелевший обрывок радиogramмы. На нем сохранилось всего три слова: «...НО НЕ СДАЮСЬ!...».

ОТ АВТОРА

Ты только что познакомился, читатель, с подвигами героев-подводников, о которых рассказывалось в этой книге.

В воспоминаниях бывалых моряков, в исследованиях историков, посвященных Великой Отечественной войне, ты можешь встретить упоминания о легендарном переходе отряда советских подводных лодок зимой 1942/43 года с Дальнего Востока на Север, в Полярное.

Знакомясь с ними, помни, что повесть «Последняя радиограмма» не документальна. К реальным событиям похода, к судьбам его участников я позволил себе добавить немного фантазии.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ты, наверное, уже прочел некоторые из книжек библиотечки «Честь, отвага, мужество». Понравились ли они тебе! Кто из героев этих книг больше запомнился! Какие еще книжки в этой серии ты хотел бы прочитать, о чьих подвигах, героических поступках узнать!

Обо всем этом напиши в издательство «Молодая гвардия», указав заодно свой возраст, где учишься или работаешь.

Этим ты поможешь редакции серии подготовить и выбрать для издания те книги, которые больше всего интересуют наших читателей и тебя в том числе.

Свой отзыв посылай по адресу:

Москва, А-30, Суцеская ул., 21. Издательство «Молодая гвардия», серия «Честь, отвага, мужество».

Леонтьев Алексей Николлевич

ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОГРАММА. Повесть. М.,
«Молодая гвардия», 1965.
144 с., с илл. («Честь, отвага, мужество».)

Р2

Редактор *А. Строев*

Оформление художника *О. Новозонова*

Художественный редактор *Г. Позин*

Технический редактор *В. Савельева*

А10665. Подп. к печ. 2/VIII 1965 г. Бум. 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 4,5(6,3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 115 000 экз.
Заказ 707. Цена 16 коп. Б. З. № 27, 1965 г., п. 16.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.